

Дарья Донцова

Муры-муры с призраком

Сладостные раскаты динамита Евлампия Романова

Дарья Аркадьевна Донцова
Шуры-муры с призраком
Серия «Евлампия Романова.
Следствие ведет дилетант», книга 39

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11644405

Шуры-муры с призраком : роман / Дарья Донцова; Э; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-82618-6

Аннотация

В офис детективного агентства обратилась Лаура Кривоносова и попросила меня, Евлампию Романову, разыскать ее пропавшего мужа. Тут же выяснилось: Никита Обжорин находится... в море. Он насмерть сбил пешехода и застрелился прямо на месте происшествия. Все, казалось бы, ясно. Но не тут-то было! Через несколько дней мой начальник Володя Костин сообщил, что подруга нашла Лауру в квартире мертвой и наняла нас расследовать обстоятельства ее смерти. Дело оказалось чрезвычайно запутанным, а я еще решила поэкспериментировать со внешностью... В общем, я чуть не наломала дров, но все-таки с честью распутала клубок загадок. Вдобавок ко всему я стала звездой Интернета, теперь меня повсюду узнают, поклонники просят автографы и считают самой авангардной моделью...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	39
Глава 6	51
Глава 7	60
Глава 8	66
Глава 9	75
Глава 10	84
Глава 11	95
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Дарья Донцова

Шуры-муры с призраком

© Донцова Д. А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

*** * ***

Глава 1

– Если вышла замуж за принца, то не надо злиться на то, что он не хочет пахать, как простой крестьянин.

– Ну спасибо, Лампа, утешила, – закричали из мобильного с такой силой, что мне пришлось отодвинуть трубку от уха, – помогла подруге в ее беде.

Я включила громкую связь, положила сотовый на столик у зеркала, начала натягивать на Кису теплую курточку и продолжила беседу:

– Извини, Света, но никакой трагедии в происшедшем я не вижу. Ты всегда твердила: «Возьму в спутники жизни только принца, человека с богатым внутренним миром, энциклопедически образованного. Не хочу пролетария, который, придя вечером с работы, плюхается у телика с бутылкой пива. О чем с ним разговаривать?»

– Да! – заорала Светлана. – Для меня главное – родственность души и ума.

– И чем ты теперь недовольна? – удивилась я. – Нашла невероятно умного ученого, в присутствии твоего супруга люди чувствуют себя полными идиотами. У меня высшее образование, но я и тысячной долей знаний Валеры не обладаю. С ним очень интересно общаться.

– Супер! – завопила Света. – Болтать он горазд. Но это все, на что муж способен. Мы живем на мои деньги, я работаю

с девяти утра до ночи в салоне, ноги отваливаются, в выходные ношусь по клиентам, пашу как лошадь. Вот сегодня, например, приехала к семи тридцати, постоянная клиентка улетает в командировку, она меня попросила пораньше выйти, чтобы прическу сделать. А муж?! Утром ему надо завтрак приготовить и оставить на плите, их высочество раньше полудня не встает. Вечером приношусь усталая домой, Валера на диване лежит, на кухне посуда грязная, в бачке гора беля, по углам пыль. И как супруг меня встречает? Ласково говорит: «Солнышко, как хорошо, что ты пришла. Пожарь картошечку, очень есть хочется».

А у меня ноги-руки гудят, голова кругом идет, но я держу себя в руках и с улыбкой спрашиваю: «Дорогой, чем ты занимался, как день провел?»

И слышу всегда один ответ: «Читал, думал».

Вот здорово! Если ни фига не делал, то мог бы и порядок навести, и мне ужин приготовить. Так нет же! Ни копейки в дом не приносит, а если я ему говорю, что неплохо бы куда-нибудь на работу устроиться, он горестно вздыхает: «Да я бы с радостью, очень мучаюсь, что на твоей шее сижу. Но где мне заработать? Ты парикмахер, у тебя прекрасная профессия, волосы все стригут. А я умею только размышлять! Кому мое образование нужно?»

И такой у него вид печальный делается, что приходится мужика утешать. Но в последнее время мне его по голове гладить надоело, все больше хочется пнуть лентяя.

– Света, ты мечтала о принце, а он нуждается в слугах, и не может венценосная особа пахать, как крестьянин, – повторила я уже сказанное, – кто-то должен обслуживать королевича и заботиться о его коне.

– Боже, какая гадость! – простонала подруга. – Меня сейчас тошнит! Фуу-у!

– Извини, что это советую, но если при мысли о муже тебя тошнит, может, надо э... э... ну... пожить некоторое время раздельно, – промямлила я, косясь на часы.

Понятно, что у Светки проблемы с супругом-лентяем, ей хочется выговориться. Наверное, клиентка Яковлевой сидит с краской на волосах, вот у Светы и выдалась свободная минутка. Но у меня сегодня утром полно дел, как бы вежливо дать понять подруге, что я не могу продолжать разговор?

– Лампа, – сказала Киса, – надо...

– Да я сейчас не про своего трутня, а про жвачку, – взвизгнула Светка, – слопала на завтрак паштет, а он, зараза, с чесноком оказался! А мне с людьми работать!!! Сунулась в сумку, моей любимой «Треш» нет.

– Треш? – повторила я. – Это что?

– Жвачка! Самая лучшая! Вкус восхитительный, – запела Яковлева, – жаль, ее повсюду не продают, приходится хрен знает куда за ней мотаться. Если хочешь, дам тебе телефон Пети, он ею торгует, у него можно заказать ее по телефону. Петька постоянным клиентам сам «Треш» привозит. Но он ко мне только вечером приедет, а чеснок-то сейчас воняет.

Пошла в киоск, продавщица посоветовала взять «Гранату из мяты». Ну и дрянь! Ну и пакость! Мерзость! Еще раз убедилась: лучше «Треша» ничего нет.

– Я бы не стала пробовать нечто под названием «Треш», – пробормотала я, ведь это по-английски «мусор».

– Лампа, – пропищала Киса, – надо...

– Яковлева, у тебя клиентка в кресле вся извелась, – крикнул кто-то, – краска ей кожу щиплет.

– Вечером поболтаем, – скороговоркой выпалила подруга и отсоединилась.

Я выдохнула. Ура! Теперь можно бежать по своим делам.

– Лампа, у тети Светы дома живет лошадка? – спросила Киса. – Ее трудно кормить? Капризная, да? Кашу не любит? Надо коняшке целый день есть не давать, тогда она проголодается и за ужином даже молоко с пенкой выпьет.

– Неплохая идея, – согласилась я, – поделюсь ею со Светланой. Надеюсь, если ее конь не получит ни завтрака, ни обеда, ни ужина, он поднимется с дивана.

– Давай вместо садика к тете Свете в гости сходим? – неожиданно предложила Киса.

– Она сейчас на работе, – сказала я. – И почему тебе вдруг к ней захотелось?

– Мечтаю посмотреть, как лошадь на кровати лежит, – ответила девочка.

Я постаралась не рассмеяться, взглянула на часы и засуетилась:

– Через десять минут занятия по хореографии начнутся. Побежали! Ой, шапку забыли! На календаре сентябрь, а холодно и дождь идет, хорошо, что нам две минуты идти.

Я схватила шерстяной капор, натянула его на голову Кисе и взяла ее за руку.

– Лампа, – засопротивлялась Киса, – мы забыли...

И тут снова ожил мобильный, на экране появилась надпись «Макс».

– Ты где? – спросил муж.

Киса дернула меня за край пальто.

– Лампа, надо...

Я быстро повела ее на лестничную клетку, одновременно говоря в трубку:

– Пытаюсь отвести Кису в садик, мы опаздываем на танцы.

– А куда подевалась Роза Леопольдовна? – удивился Макс.

– Она пошла к зубному врачу, ей ставят имплант, – ответила я. – Краузе не будет весь день.

– Ясенько, – протянул супруг, – когда ты приедешь в офис? Эй, я ничего не слышу.

– Мы в лифте, – закричала я, – связь прервалась, подожди, сейчас на улицу выйдем. Киса, дай мне руку.

Девочка забубнила:

– Лампа, мы забыли...

Я догадалась, что она оставила дома любимого пупса, и решила не обращать внимания на ее слова. Возвращать-

ся времени нет, сегодня Кисе придется обойтись без Алены, это не трагично, в группе полно хороших игрушек.

— Ладно, — вздохнула Киса, когда мы очутились во дворе, — пойду так.

Я не ответила девочке, потому что продолжала беседу с мужем:

— Переодену малышку и сразу помчусь на работу.

— Отлично, — обрадовался Вульф, — только не задерживайся.

* * *

— А вот и Киса! — воскликнула воспитательница, которую я до сегодняшнего дня ни разу не видела. — Кто тебя сегодня привел? Бабуля? Ваша внученька у нас новенькая, но ее уже все полюбили. До сих пор девочка с няней приходила. Я очень рада с бабушкой познакомиться. Кисонька, ты не замерзла? На улице очень холодно, а ты без перчаток!

Я лишилась дара речи. Конечно, мне не двадцать лет, но у меня стройная фигура, тридцать шестой европейский размер, вешу я сорок пять кило, и со спины меня часто принимают за юную девушку. Я слежу за собой, пользуюсь разными кремами для лица, модно одеваюсь и, как мне до сих пор казалось, прекрасно выгляжу. Почему воспитательница приняла меня за пенсионерку? Правда, вчера вечером я выпила три большие чашки чая и слопала пару кусков очень

вкусного торта, который принесли гости, а утром не успела «нарисовать» глаза... Неужели без макияжа я похожа на старуху?

– Ручки у меня теплые, – ответила Киса, – а вот ножкам холодно!

– Ой, мамочки! – заголосила воспитательница, стаскивая с Кисы длинную, прикрывающую колени, куртку. – Почему ты в таком виде? Детонька!

Я посмотрела на малышку и вновь онемела. На девочке были розовый свитерок с вышитым зайчиком, белые трусики в синий горошек и... больше ничего. Ноги у ребенка голые, на ней нет ни колготок, ни брючек, только сапожки на липучках.

– Ужас! – причитала воспитательница. – Ты заболеешь!

– Ольга Павловна, вы где? – крикнули из коридора.

Воспитательница ринулась на зов, а ко мне вернулся дар речи:

– Киса! Почему ты не надела колготки? Где юбка?

– Роза Леопольдовна перед сном вчера все-все постирала, – объяснила Киса, – из сушки достала, сказала тебе: «Завтра утром поглажу. Лампа, вам останется только вещи из хозяйственной комнаты забрать. Кофточка с зайкой чистая, она у кровати Кисы на стуле висеть будет, сапожки в прихожей».

Я напрягла память. Вечером в районе восьми к нам неожиданно нагрянули гости, если девочка цитирует Крау-

зе, значит, няня это говорила. Но слова Розы Леопольдовны начисто вылетели из моей головы!

– Утром я только кофточку нашла. Сама хотела колготки взять, – объясняла тем временем Киса, – и джинсы. Но они высоко висели, я не допрыгнула, а другая одежда была в шкафу, до вешалок мне не достать. Говорила тебе, говорила: «Лампа, мы забыли...», а когда на улицу вышли, перестала. Все равно уже в садик бежали.

Я выдохнула.

– Прости, Киса. Не понимаю, как это получилось. Почему я не заметила, что ты без колготок и брючек?

– Это тетя Света виновата, – оправдала меня девочка, – она долго про лошадь на диване рассказывала, потом Макс позвонил. Не беда, в раздевалке детсадовское платье есть. И я глупая, не догадалась стул притащить, на него встать и все снять.

Я погладила малышку по голове.

– Нет, ты умница. Извини, бога ради, ужасно получилось, хорошо, что садик в паре шагов от дома. Где твой шкафчик?

– Вон там, – сказала Киса, – на нем лимон нарисован.

Я открыла дверцу и удивилась:

– Тут черные брючки, фиолетовая рубашка, коричневые сандалии. Где Роза Леопольдовна откопала эту одежду? Мне казалось, что я покупала тебе только яркие вещи с красивыми принтами.

Киса наклонилась и начала расстегивать сапожки.

– Лампа, ты открыла шкаф с апельсином, а у меня лимон. Я опешила и схватилась за соседнюю дверцу.

– Нет, там грейпфрут, – остановила меня девочка. Я ощутила себя полной идиоткой.

– А справа помело, – предусмотрительно сказала Киса. – Лимон последний в ряду, давай покажу, как он выглядит, желтенький такой!

– Фрукты очень похожи, – возмутилась я, – администрации следовало изобразить животных, собаку с зеброй не перепутаешь, а грейпфрут с помело запросто, они практически одинаковые.

– Зверей проходят в малышовой группе, – снисходительно сказала девочка, – а я в старшей, у нас задачи посложней. И помело с грейпфрутом совсем разные по размеру. Ты не нервничай, я сама оденусь!

– Да, да, – раздался женский голос. – Киса такая самостоятельная! Бабулечка, уходите спокойненько.

Я обернулась: во время того, как я пыталась найти шкафчик Кисы, воспитательница бесшумно вошла в раздевалку и замерла на пороге.

– Тра-ля-ля, тра-ля-ля, – донеслось из коридора.

– Танцы начинаются, – обрадовалась малышка, – пока, Лампа, не забудь меня забрать.

– Ну что ты, разве это возможно, – сконфуженно пробормотала я, бочком протиснулась мимо Ольги Павловны и выскользнула на улицу.

Глава 2

Дождь прекратился, я быстро пошла к гаражу, в очередной раз радуясь, что нам с мужем повезло найти прекрасную новую квартиру.

Некоторое время назад мы с Максом приняли решение перебраться за город. У Кисы началась аллергия на московскую пыль, у мопсик Фиры и Муси от реагентов, которыми в столице в холодное время года обрабатывают улицы, стали болеть лапы. Нам посчастливилось в рекордно короткий срок купить дом в Подмоскovie... Увы, в особняке мы не задержались. Почему? Не хочется вспоминать ту историю¹. Скажу лишь, что нам пришлось пожить в съемных апартаментах, а два месяца назад мы наконец-то перебрались в замечательное место. Я даже не предполагала, что в мегаполисе есть такие райские уголки. Наш новый дом находится в центре парка, территория огорожена забором, въехать сюда можно только показав охране пропуск. В доме всего семь квартир, по одной на этаже, но в реальности здесь сейчас, включая нас, живут лишь три семьи, где остальные владельцы, мне неизвестно. Кирпичный дом, стилизованный под постройку девятнадцатого века, возводил для себя Игорь Львович Максимов, владелец крупной строительной корпорации,

¹ История, о которой не хочет вспоминать Лампа, рассказана в книге Дарьи Донцовой «Маскарад любовных утех», издательство «Эксмо».

посторонним людям квартиры в этом здании он не продавал. На первом этаже Максимов поселил своих родителей, на втором дочь, на третьем сына, на четвертом устроился его брат, пятый и шестой заняли его лучшие друзья, а на седьмом он планировал поселиться сам. Почему Игорь Львович решил обосноваться на верхотуре? На крыше он оборудовал настоящий сад, в жаркую погоду там можно загорать, пить чай, жарить шашлыки. Максимов не забыл и про свою собаку. Для лабрадора отвели специальную зону, которую он мог использовать вместо туалета, раз в неделю там просто меняется наполнитель, только он не в гранулах, а похож на газон в рулоне. Каким образом мы с Максом стали собственниками хозяйских апартаментов?

Игоря Львовича угораздило вляпаться в некрасивую историю, его обвинили в убийстве своей любовницы, двадцатилетней модели Иры Сазоновой. Все улики свидетельствовали против олигарха, но, по счастью, он догадался обратиться к Максу. Вульф выяснил, что у очаровательной манекенщицы, двадцатилетней блондинки, страстно обожавшей перешагнувшего на шестой десяток Игоря, был еще один мужчина, которому прелестница часто говорила: «Милый, я терпеть не могу Гарика, но он богат, помогает мне делать карьеру. Подожди немного, я покорю вершину фэшн-бизнеса, уйду от старого пня, и мы будем жить вместе». Парню надоело быть запасным аэродромом, он ревновал красавицу и в конце концов решил: раз Ира не хочет стать его женой, пусть

никому не достается. Отправив девушку к праотцам, парень все подстроил так, чтобы подозрение в убийстве пало на олигарха.

Макс разобрался в этой истории, Игорь Львович вышел из СИЗО, решил уехать жить в Англию и предложил Вульффу:

– Посмотрите мою квартиру на седьмом этаже, знаю, что вы с женой сейчас своего жилья не имеете. Если понравится, продам ее вам по себестоимости. Я там не жил, едва успел чистовую отделку завершить, как загремел за решетку.

Мы с Максом отправились по указанному адресу, увидели парк, охрану, необъятные апартаменты, сад на крыше и пришли в полный восторг. Было лишь одно «но», и Макс сказал Игорю:

– Я знаю, за какую сумму уходят такие квартиры, а вы собрались отдать их нам по цене двушки в дешевом районе. Неудобно разорять вас.

– Да иди ты, – отмахнулся Максимов, – дом предназначался для своих, на продажу он не выставлялся, зарабатывать на нем я не планировал. Прошу деньги, которые были потрачены на стройку и отделку. Если не веришь, что я истратил столько, покажу счета. Ребята, не кривляйтесь, от чистого сердца предложение делаю, потому что тебе, Макс, по гроб жизни благодарен. Если откажетесь, я просто запру седьмой этаж. Не валяйте дурака!

Мы согласились и теперь совершенно счастливы. Квартира снабжена суперсовременной системой очистки воздуха,

у Кисы мигом прошла аллергия. Фира и Муся гуляют на крыше, про больные лапы они забыли. Детский сад, куда я определила Кису, расположен в том же парке, надо просто выйти за ворота, перебежать широкую аллею, и все.

Я притормозила около нашего агентства, вошла внутрь, радуясь, что наконец-то приехала на службу.

Вас удивляет, что я, не хотевшая работать под руководством мужа, говорю: «наше агентство», «приехала на службу»? Да, я теперь сотрудница Макса, но не нахожусь в непосредственном подчинении у супруга. Мой босс – Володя Костин, которого Вульф сделал начальником особого отдела. Мужу пришла в голову идея создать подразделение, которое будет заниматься розыском пропавших людей. Не секрет, что полиция терпеть не может подобных дел и всеми силами пытается от них отбиться. Если придете в отделение со словами: «Супруг не вернулся вечером домой с работы, помогите!», то скорей всего, услышите в ответ: «Погодите волноваться. Загулял мужик! Проспится и приползет. Вот если он за три дня не объявится, тогда прибегайте».

На самом деле дежурный обязан принять заявление о пропаже человека от любого лица на всей территории России в любом отделении полиции или Следственного комитета. При этом не допускается никаких отсрочек во времени, отсутствие у вас фотографий исчезнувшего не имеет ни малейшего значения. Но наши граждане, к сожалению, часто юридически безграмотны, а некоторым полицейским неохота за-

тевать поиск, поэтому они элементарно врут тому, кто примчался к ним за помощью.

«Что? Ваш муж уже один раз исчезал из дома на неделю? Ну тогда его вообще не стоит искать. А вы официально расписаны? Ах, в гражданском браке! Заявление имеют право писать исключительно родственники».

Не верьте этим словам, знайте, вы разговариваете с недобросовестным сотрудником. Идите к местному начальству, напомните ему, что у вас ОБЯЗАНЫ сразу принять заявление, а написать его может приятель, коллега, любовница пропавшего.

Но большинство людей верит недобросовестным стражам закона на слово и уходит пить успокаивающие лекарства. К счастью, ленивые служаки часто оказываются правы. Не успеет заплаканная мама-жена-сестра вернуться домой, как на пороге материализуется «потеряшка» и начинает каяться:

«Прости, пошел вчера с ребятами в бар, хотел пропустить кружечку пивка... Сам не знаю, как получилось... Глотнул два раза. Очнулся только час назад».

Оно понятно, что в пиво добавили водочки и гудели до рассвета, но домашние так рады увидеть родного, любимого живым-здоровым, что даже не ругают его.

Но порой случается иначе. Сообразив, что от тех, кто должен их защищать, прока нет, люди сами начинают поиски и находят тело в морге. Понимаю: мои слова станут для вас

шокирующими, но узнать о смерти близкого человека – это не самое страшное, намного хуже оставаться в неведении, что с ним, куда он подевался, жить, задавая себе вопросы: где он, жив или погиб? Уж лучше упокоить человека, чем маяться в неизвестности. И, пожалуйста, помните, если речь идет о пропавшем ребенке, важен каждый час. По статистике восемьдесят пять процентов детей возраста до десяти лет погибают в первые сутки после исчезновения. А к концу третьих в живых остаются лишь два малыша из сотни.

Но даже если у вас приняли заявление, то не факт, что полицейские сразу начнут по нему работать. Кое-кто из них скажет:

«Ступайте домой, мы займемся поисками».

Вы будете дежурить у телефона, но так и не дождетесь никаких звонков.

Вот почему Макс создал отдел розыска, мы с Костиным беремся за работу сразу и никогда никого не обманываем.

* * *

– Ну наконец-то! – воскликнул муж, когда я вошла в его кабинет. – Почему так долго?

– В пробку попала, – вздохнула я. – Что случилось?

– Костин тоже задержался, – объяснил Макс, – застрял на шоссе. В него въехала какая-то блондинка, а ГАИ никак не явится.

– Не повезло Вовке, – пожалела я друга.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – вдруг спросил супруг.

– Да, – удивилась я, – прекрасно.

– Ты сегодня очень бледная, синяки под глазами, – продолжал Макс.

И тут я сообразила, что, торопясь утром в садик с Кисой, а потом несясь на работу, забыла сделать макияж.

– Лицо опухшее, – сказал муж. – Может, отдохнешь пару денечков? Там, правда, женщина приехала, ждет в приемной. Ну да Костин, наверное, скоро с аварией разберется. Не нравится мне твой вид.

– Просто не успела позавтракать, – заюлила я. – Попрошу Марину заварить чаю покрепче и принести в переговорную. Сбегаю на пять минут в туалет и примусь за работу.

В сортире я уставилась в зеркало. Мда, вид не из лучших. Я блондинка, поэтому брови и ресницы у меня светлые, почти незаметные. И кожа очень тонкая, под ней просвечивают сосуды, создавая под глазами иллюзию синяков. Здоровым румянцем я никогда похвастаться не могла, даже в детстве, придя с мороза, имела бледный вид, простите за каламбур. Каждое утро я, умывшись, мажу лицо питательным кремом, который придает ему оттенок слабого загара. Средство хорошее, если наносить его влажным спонжиком, оно совершенно невидимо для окружающих, потом я капаю на щеки жидкие румяна, брови и ресницы крашу раз в месяц у косметолога и выгляжу красавицей. Но в последнее время было мно-

го работы, я пропустила визит к Алене, брови с ресницами стали пепельными, про тональный крем с румянами сегодня я в спешке позабыла, и вот вам результат: сейчас из зеркала на меня смотрит белая мышь!

Я схватилась за косметичку, поняла, что оставила весь джентльменский набор дома, и растерялась. Что со мной происходит? Утром не заметила, что Киса щеголяет в одном свитерке, не вспомнила про макияж, хотя всегда непременно его наношу, пытаюсь найти в садике нужный шкафчик, перепутала лимон с апельсином, а грейпфрут с помело. Воспитательница приняла меня за бабушку Кисы, а Макс, который, как мне всегда казалось, не обращает внимания на мою внешность, стал беспокоиться о моем здоровье. И вот вишенка на торте: пудра, тени, румяна и все прочее забыты дома.

Я начала щипать себя за щеки, надеясь, что после этого нехитрого приема хоть слегка порозовею. Но нет! Мордочка осталась сине-зеленой. Я закрыла глаза и сказала себе: «Лампа, не стоит расстраиваться. Сейчас поговорю с клиенткой. Потом сбегая в расположенный неподалеку торговый центр, там точно есть отдел косметики. Скорей всего в нем не окажется моего любимого тонального крема и румян, но это не страшно, куплю самые маленькие упаковки любых средств, покрашусь и перестану пугать окружающих.

Глава 3

В переговорной сидела худенькая, похожая на кузнечика женщина неопределенного возраста.

– У меня муж пропал, – сердито сообщила она, увидев меня на пороге. – Хороши порядки в вашем агентстве, изождалась вся, пока нужный человек появится.

– Простите, в городе пробки, – ответила я.

– Надо выезжать пораньше, и повсюду успеешь, – огрызнулась клиентка. – Не в полицию пришла, не бесплатно помочь прошу, за деньги. А вы недешево берете!

Я устроилась в кресле напротив хмурой тетки.

– Финансовые вопросы решает Владимир Костин, возможно, он предложит вам скидку, окончательная сумма выяснится, когда наша работа завершится. Она зависит от расходов.

– О как! – фыркнула клиентка.

– Иногда расследование затягивается, – пояснила я, – приходится привлекать разных специалистов. Допустим, понадобились некие материалы из закрытого архива, официально к ним не подобраться, надо добывать другими путями.

– Ну и ну! – скривилась тетка. – Обдираловка!

Я встала.

– Наверное, вам лучше дождаться господина Костина, он вот-вот появится. Я не уполномочена обсуждать вопрос

оплаты.

– У меня муж пропал, – тоскливо произнесла дама, – по телефону не отвечает. В полиции отмахнулись, сказали: «Ежели он три дня не появится, тогда и приходите. Да вы не дергайтесь, ну загулял мужик, протрезвеет и припрется». Я им попыталась объяснить, что Никита спиртное даже не нюхает, никогда выпивкой не увлекался, а сейчас и подавно. Болен он сильно.

Я вернулась на место.

– Чем страдает ваш супруг?

– У него болезнь Крейтцфельда-Якоба, – без запинки выпалила незнакомка. – Слышали про нее?

– Никогда, – призналась я.

– Счастливая, – вздохнула женщина, – да и я про нее понятия не имела, пока она в дом не постучалась.

– Как вас зовут? – спросила я.

– Лаура Кривоносова, – представилась она, – мама решила, раз у меня фамилия неблагозвучная, то пусть хоть имя шикарное будет, в школе дразнить не станут. Да не вышло ничего хорошего! Меня все «Кривой нос» обзывали. А сейчас на работе пациенты посмеиваются, я в клинике пластической хирургии служу. Увидят клиенты табличку на двери «Старшая медсестра Лаура Кривоносова», и давай ржать. Я их не осуждаю, реально смешно. Кривоносова в клинике красоты! Обхохочешься.

Я поняла, что из клиентки потихонечку уходит агрессия,

и продолжила:

– Надо было, выйдя замуж, паспорт поменять.

Лаура вдруг улыбнулась.

– Люблю читать журналы по психологии, например, «Психия», очень там интересно пишут, недавно узнала про родительское программирование: что мать малышу с пеленок внушает, то с ним во взрослой жизни и случится. Мне моя твердила: «С твоей внешностью замуж быстро не выйти, учись хорошо, получи профессию, чтобы от мужика не зависеть. Чует мое сердце, попадется тебе спутник жизни с фамилией почище родительской. Это наша семейная карма. Бабка, в девичестве Дуракова, стала Хохотушкиной, я за Сергея Кривоносова выскочила. Ох, быть тебе Лаурой Выпивохиной». И ведь по всем позициям мамаша права оказалась. За лекции про необходимость хорошего образования я ей благодарна, на работе коллеги и начальство меня ценят, уважают. Но супруга я нашла в тридцать восемь лет, и зовут его Никита Владимирович Обжорин. Вот ведь напроорочила мать, только слегка ошиблась, не Выпивохин мне попался, но все равно не хотелось Лаурой Обжориной становиться. Муж мой хороший человек, не пьет, не курит, рукастый, все починить может, не жадный. Одна беда – молчун. Он у меня бывший спортсмен, биатлонист, призовые места на Олимпиаде не занимал, но простых соревнований много выиграл, потом в школе учителем физкультуры работал. Мы с ним шестой год живем, я его прошлой зимой стала

подбивать гимназию бросить, там мало платили, предложила в фитнес устроиться. К нам в клинику бизнесвумен ходит, она сетью спортивных залов владеет. Я к ней подкатилась с вопросом:

– Не нужны ли вам инструкторы? Супруг мой Никита биатлонист бывший, много его медалей дома на стене висит.

Она ответила:

– Лаура, у нас требуется специальное образование, дам тебе адрес курсов, пусть твой муж получит диплом, и тогда мы возьмем его на работу.

Никита загорелся, ходил по вечерам учиться, трудно ему приходилось, он школу-то почти не посещал, все тренировался, ни в математике, ни в литературе, ни в истории не разбирается. Но очень уж ему хотелось достойные деньги получать. Мы в основном на мою зарплату существуем, его заработок совсем маленький. А потом на него болячка напала. Узнали мы о ней случайно. Я мужа постоянно мотивировала:

– Давай, Никитос, за два года не состаришься, мозг еще не обветшал. Это как в спорте, нацелься на результат, и победишь. Учеба сродни тренировкам, сначала тяжело, затем получишь медаль. Эльвира Михайловна обещала тебя в самый свой крутой фитнес взять, в закрытый клуб, куда олигархи и звезды ходят. Оклады там у инструкторов по сто двадцать тысяч, плюс чаевые клиенты дают, на круг до двухсот выходит. Мы ипотеку возьмем, из однушки выберемся, машину новую купим...

Он сначала говорил:

– Лорик! Не беспокойся, затвержу названия чертовых костей и мышц. Ты у меня в новой шубе ходить будешь.

Но никак ему наука не давалась. Я посоветовалась с нашим главврачом и владелицей клиники Майей Григорьевной. Та меня очень внимательно выслушала, сказала:

– Дай мне время до завтра подумать.

А на следующий день вручила мне три большие банки биодобавки «Быстроум», велела:

– Пусть твой супруг принимает по восемь капсул ежедневно. Отличное средство, оно ему поможет. Препарат производят в Америке!

Кит начал пить БАД, и так у него мозг просветлел, так просветлел! Легко учиться стало. Все у нас отлично складывалось, Никита как на крыльях летал, а потом...

Лаура отвернулась к окну.

– Я, дура, ничего сначала не заподозрила. Правда, видела, что Никита странный стал, пару раз на меня огрызнулся, раньше он всегда со мной только ласково разговаривал. Спал муж плохо, по ночам на кухню уходил, чай пил. Но я подумала, что это из-за учебы. На курсах инструкторов серьезно готовят, и анатомию преподают, и психологию, учебников штук двадцать. А потом Кит сказал:

– Лаура, я долго не проживу, у меня болезнь Крейтцфельда-Якоба, она имеет несколько форм, но все они не лечатся, стопроцентная смерть, как правило, в течение года по-

сле начала заболевания. На конечной стадии больной совсем теряет разум. Основные симптомы: головная боль, головокружение, снижение умственных способностей...

Признался мне и заплакал. Я полезла в справочник, прочитала про болезнь, перепугалась, но сказала:

– Нельзя сдаваться, болячка неприятная, но она не очень хорошо изучена, для установления точного диагноза нужно сделать биопсию мозга. Возможно, у тебя что-то другое. Кто тебе про Крейтцфельдта сказал?

Оказалось, что у Никиты голова уже пару месяцев болит, он болеутоляющие лекарства пил. Сначала одна таблетка помогала, потом перестала, муж стал две пилюли глотать, три, четыре... Когда до десяти дошел, решил к специалисту обратиться, меня волновать не хотел, пошел в районную поликлинику к невропатологу, а тот ему заявил про смертельную хворобу. Господи! Я на супруга налетела:

– Докторишка – кретин! Разве так диагноз ставят? Он тебе направление на исследование выписал? В справочнике сказано: «Необходимо ЭКГ-исследование, на нем выявляются фоновые плоские колебания в виде волн, состоящих из трех фаз».

Никита занервничал:

– Это что такое?

А я сама не знаю, хоть медсестрой работаю, но о многом понятия не имею, хорошо, ума хватило ответить:

– Это говорит о тупости врача! Услышал красивое назва-

ние и тебе его приклеил. Голова все время болит? Ты просто устал, очень много занимаешься. Ну, подумай, «Быстроум» ведь тебе помог? Больному от витаминов легче не станет.

Никита вздохнул:

– После них я легко учиться стал, а теперь опять плохо. Голова кружится, руки иногда дрожат, колени слабые.

Но я решила не сдаваться.

– Кит! Майя Григорьевна Федина психолог, ведет в нашей клинике психотерапевтические сеансы. Но по образованию она невропатолог, я попрошу ее тебя посмотреть.

Лаура замолчала.

– Диагноз подтвердился? – спросила я.

Кривоносова кивнула.

– Майя Григорьевна сначала с Никитой долго говорила, меня в кабинет не пустила. Потом его сама отвезла на исследование в медцентр... ну и да! Болен мой муж. Очень болен. Нет надежды на исцеление. Правда, Федина Никите лекцию прочитала, ну, знаете, такую, оптимистичную. «Сдаваться нельзя, учебу нужно продолжать, многим людям ставили тяжелые диагнозы, но они не опустили рук, боролись и вылечились. Разве вы слабак?»

В Никите вроде боевой дух проснулся, он даже повеселел, мне пообещал:

– Ни за что не слягу.

А потом у мужа на курсах занятия стали проводить не два раза в неделю, а каждый день, и длились они дольше, Кит

возвращался домой после одиннадцати. Раньше он за мной заезжал, но теперь у него не получалось. Вчера я после работы поехала к клиентам. Многим после операций курс уколов назначают, я их хорошо делаю, не больно, следов не остается. Вот кое-кто, уходя из стационара, и просит: «Лаурочка, вы мне инъекции не согласитесь дома делать?»

Почему нет? Приработок нужен. Вчера по пяти адресам смоталась, люди в разных концах города жили, домой около полуночи прито пала. Никиты нет, машины тоже. Я забеспокоилась, начала ему звонить: мобильный отключен. Спать не легла, на кухне сидела, но муж не пришел. Вот такая петрушка. Нехорошее у меня предчувствие, помогите, пожалуйста. Уж простите, что я из-за денег скандалить начала, заплачу сколько потребуется. Это я от нервов заистерила. Кредит в банке возьму, не обману.

Я нажала на кнопку в столе, в переговорную ворвалась Марина, наш секретарь.

– Слушаю, Евлампия Андреевна.

– Принесите, пожалуйста, Лауре ваш фирменный капучино и печенье с шоколадной крошкой, – попросила я.

Помощница убежала.

– Не беспокойтесь, я уже пришла в себя, – пробормотала Кривоносова.

– Хороший кофеек никогда не помешает, – перебила ее я и взяла телефон. – Роман, добрый день, ты занят?

– Нет, лежу на пляже, пью коктейль, пляжусь на красивых

девушек, – вмиг рассердился Бунин, наш главный компьютерщик, – говори, что надо.

– Никита Владимирович Обжорин вчера не вернулся домой, проверь, не попал ли он в больницу. Прошерсти как муниципальные, так и частные клиники, – попросила я.

– Только среди живых искать? В морги не заглядывать?

– Рядом сидит его жена, – продолжила я, – она рассказала, что муж страдает редким заболеванием.

– Понятно, не хочешь при ней морг упоминать, – догадался Роман, – но, если тело там обнаружится, придется ей правду сообщить.

– Проблемы надо преодолевать по мере их поступления, – остановила я Бунина, – действуй по стандартной схеме.

– Больницы-морги, временно задержанных полицией, вокзалы-аэропорты, вдруг он куда смылся, – на едином дыхании выпалил главный компьютерщик.

– Кофеек, – пропела Марина, входя в кабинет.

– Руки вымыть можно? – спросила Лаура.

– Пойдемте, провожу, – любезно предложила секретарша.

– Сделай побыстрее, супруга очень переживает, – сказала я, когда Кривоносова ушла.

– Все переживают, – буркнул Роман, – нас тут всего двое, я и Николай – стажер, загружены выше бровей.

– Ну, пожалуйста, – заныла я.

– Постараюсь, – пообещал Бунин и отсоединился.

Глава 4

Через полчаса, записав адрес и телефон Лауры, я осторожно посоветовала:

– Когда закончим беседовать, вам лучше поехать домой, как только Роман что-то разузнает, я сразу сообщу.

– Ладно, – согласилась Кривоносова.

– Еще хорошо бы получить фото вашего мужа, – сказала я. Лаура взяла сумку.

– Дома есть, в альбоме. Сейчас у всех телефоны с камерами и Интернетом, снимки делают и друг другу пересылают, а у нас с Никитой старые трубки. Мы экономим, копим на квартиру, лишних покупок не делаем, хотим трешку купить. Еще бы дачку нам, я цветы обожаю, дома все подоконники горшками заставила.

– Хорошее жилье большая радость, – согласилась я. – У меня к вам есть еще один вопрос, заранее прошу извинения, если он покажется вам бестактным. Пока пили кофе, мы обсудили, у кого из друзей Никита Владимирович мог остаться переночевать...

– Я ответила: нет у мужа никого, – поморщилась Лаура. – Чего по сто раз про одно и то же говорить? Муж родителей рано потерял, его бабушка воспитывала, она мальчика в секцию отдала, чтобы по улицам без дела не болтался, под дурное влияние не попал. В спорте друзей нет, там соперники.

В юности Кит ни с кем контактов не поддерживал, в зрелости тоже. Вот у меня есть подруга, она учитель, а у Никиты из близких одна я. Все праздники втроем отмечаем. Мы и Лена Яшина.

– Ваша знакомая не замужем? – уточнила я.

Кривоносова кивнула.

– Многие женщины остерегаются несемейных знакомых, – сказала я.

– Вон что вам в голову пришло, – протянула клиентка. – Лена не способна на подлость, мы знаем друг друга не первый год. Когда мы с Китом поженились, Лена его в свою школу перетащила, пошепталась с директором, и Никиту взяли физруком. До того, как мы встретились, супруг в магазине лыжами торговал, еще раньше коньки в прокате выдавал, а благодаря Елене стал педагогом, престижная работа, жаль, что малооплачиваемая.

Я молча слушала Лауру. Давно успела понять, что у каждого человека свои тайны, и любимая жена, как правило, последней узнает о походе налево своего заботливого, нежно-го, идеального мужа.

На столе заверещал телефон, меня искал Роман.

– Есть результат.

– Ага, – приуныла я, понимая, почему он почти мгновенно справился с задачей. – Где?

– Морг на Всеволжской. Вчера в районе десяти вечера на Ремонтную улицу вызвали «Скорую». Медики нашли раз-

битую машину и два трупa. Никита Владимирович Обжорин находился за рулем, он застрелился.

– Погоди-ка, ничего не понимаю, – воскликнула я, – сейчас зайду к тебе.

– Что? – одними губами спросила Лаура. – Узнали про моего мужа?

– Пока нет, – соврала я, – отбегу на секундочку, пришел человек, которому назначили встречу на пять вечера. То ли он время перепутал, то ли решил, что все равно, когда в агентство заглянуть. Быстро вернусь. Включить вам телевизор?

– Не надо, – отказалась Кривоносова, – так посижу.

* * *

– Рассказывай коротко, – велела я Роману, влетая в его забитую компьютерами комнату.

– Обжорин застрелился. Случилось ДТП. Он сбил человека, – в телеграфном стиле сообщил начальник отдела.

– Ничего не поняла, объясни, – потребовала я.

– Уж определись, тебе надо коротко или подробно, – ухмыльнулся Роман.

– В деталях, но быстро!

– Дайте мороженое погорячее, – съязвил Бунин.

– Жена Никиты в переговорной, – объяснила я, – не хочу ее надолго одну оставлять.

Роман крутанулся на стуле.

– Вчера примерно в двадцать два часа на улице Ремонтной напротив банка «Мэте» автомобиль «ВАЗ-21099» совершил наезд на гражданина Сыркина Виталия Павловича. Последний скончался на месте. Водитель достал из бардачка оружие, и бум! «Скорую» вызвали в четверть одиннадцатого. Медики зафиксировали смерть, кликнули полицейских, те живо установили, что водителя звали Обжорин Никита Владимирович, права находились при нем, в кармане лежал паспорт. И вот самая интересная штука. На переднем пассажирском сиденье нашли конверт с письмом. В нем написано: «Я, Обжорин Никита Владимирович, добровольно ухожу из жизни. Я страдаю тяжелой болезнью, которая неминуемо сделает меня безумцем. Не готов проводить последние дни как сумасшедший. Прошу никого в моей смерти не винить. Я специально выбрал для совершения суицида парк на улице Фонарева, там в позднее время никого не бывает, я никого не напугаю. Не хочу, чтобы жена нашла мое тело в квартире, она не заслужила такого стресса. Прости, Лаура, я был с тобой очень счастлив, но лучше уйти сейчас, пока я еще способен принять решение, находясь в твердом уме». Дальше подпись и число.

– Послание длинное, – протянула я.

Роман показал на экран ноутбука.

– Зацени оперативность, вот тебе фото предсмертной записки. Обрати внимание, написано без единой помарки.

– Обжорин не спешил, – отметила я, – он заранее подготовил текст, вероятно, составил его дома. Непохоже, что у него дрожала рука. Если ты только что переехал человека, то не останешься хладнокровным. Нет, он решил застрелиться, выехал из дома...

– Парк находится через три квартала от улицы, где случилось ДТП, – подхватил Роман. – Обжорин готовился уйти из жизни, наверное, нервничал, стемнело, шел дождь... он просто не заметил Сыркина, а тот не увидел автомобиль. Можно считать случай банальным ДТП, но суицид придает ему необычный окрас.

Я поежилась.

– Никита Владимирович, наверное, здорово перепугался, когда наехал на человека, понял, что приедет ГАИ... и решил сразу свести счеты с жизнью. Бедняга, не повезло ему в последние минуты.

– Ну, Сыркину еще хуже, – заметил Роман.

– Знаете, что необычно? – вдруг спросил стажер Николай, до этого молча слушавший нашу беседу. – Ремонтная улица прямая, широкая. Странное дело, но на ней не особенно оживленное движение.

– Ничего удивительного, – возразил стажеру Роман. – Ремонтная тупиковая, насквозь ее проехать, чтобы миновать пробки, нельзя. И там практически нет жилых домов, только на пересечении с Форткина возведена блочная башня. Из учреждений там поликлиника, банк «Мэте», агентство

недвижимости, театр «Новая абстракция», дальше несколько автосервисов. Все это на момент аварии уже закрылось. Откуда народу взяться?

– Театр должен вечером работать, – возразила я.

– Этот нет, – заспорил Николай, – я проверил. Представления у них начинаются в семь. Вчера шла пьеса «Мой любимый каннибал», она завершилась в девять тридцать, мест в зале мало, публика быстро разъехалась. В двадцать два на Ремонтной, наверное, было пусто. Разве что кто-то из жильцов блочной башни домой спешил. Но ему лучше идти по улице Форткина, там остановка автобуса.

– К чему ты клонишь? – спросил Роман.

– Ремонтная пустая, отчего Обжорин не заметил пешехода? – прищурился Николай.

– Лампа только что сказала: «Никита Владимирович был в состоянии стресса», не задавай глупых вопросов, – вскипел начальник. – Человек приготовился свести счеты с жизнью, на сиденье лежала предсмертная записка, он думал только о самоубийстве.

– Ладно, спрошу иначе, – не успокоился Николай. – По какой причине Сыркин не заметил машину? Было темно, шел дождь, но свет фар хорошо виден.

– Некоторые люди надевают наушники, на голову накидывают капюшон и топают, не думая о безопасности. Сколько раз я таких объезжал, – негодовал Роман.

– Непонятно, однако, – тянул Николай. – Чего Обжорин

не сигналил?

Бунин закатил глаза.

– Е-мое! Да не заметил он мужика! Не заметил!

– «Скорую» кто вызвал? – не утихал Николай.

Мы с Романом переглянулись, Бунин забежал пальцами по клавиатуре, а Николай продолжал:

– Сыркин покойник. Обжорин застрелился. Кто врачам звякнул?

– Никита Владимирович? – предположила я.

Николай потянулся.

– Заботливый, однако, сначала переехал, потом решил врача пригласить и лишь после этого: ба-бах? Не похоже на стрессовое состояние. Аффект иначе выражается: увидел труп на дороге, хватать пистолет! И почему Обжорин решил, что Сыркину уже не поможешь?

Я откашлялась.

– Коля, Никита Владимирович полагал, что человек, которого он сбил, жив, поэтому перед тем, как самому уйти из жизни, вызвал врачей.

– Чего он тогда до парка не докатил? – спросил парень. – Там десять секунд ехать. И нелогично получается. Сначала вы говорили: «Обжорин пустил себе пулю в лоб, когда понял, что убил человека». Типа психанул – и бумс. А сейчас, по-вашему, получается, шофер увидел, что пешеход шевелится, и обратился к докторам. Чего ему в этом случае психовать? За фигом прямо на месте наезда стреляться? Можно в парк

отправиться, сделать, как решил.

– Ты у нас психиатр доморощенный или специалист по поведенческому анализу? – налетел на стажера Роман. – Неизвестно, кто врачей вызвал. Человек не представился. Аноним.

– Если не ошибаюсь, диспетчеры всегда видят номер того, кто звонит, – пробормотала я, – даже если он скрыт, специальная аппаратура определяет телефон, а сейчас еще и выясняется местоположение.

– Только в случае, когда звонят с трубки последнего поколения, – уточнил Николай, – местонахождение древнего мобильного останется тайной. Думаю, на месте происшествия был еще кто-то. Свидетель. Это он в службу спасения обратился, а там все записывают. Не смотрите на меня волками, давайте проверим, сравним голос Обжорина со звуковым файлом. Если не самоубийца врачей вызвал, значит, там был еще кто-то. И почему он удрал?

– Хорошо, узнай всю информацию и вышли мне фото предсмертной записки, – попросила я и пошла в переговорную.

Глава 5

– Что? – спросила Лаура, едва я появилась на пороге. – Плохо, да? Вижу по вашему лицу... муж... да?

– Мне очень жаль, – сказала я, – тело человека с документами на имя Обжорина Никиты Владимировича находится в морге.

Кривоносова закрыла лицо руками, я нажала на кнопку и велела секретарше:

– Срочно Вадима сюда! Со всем набором.

Лаура вытерла ладонями щеки.

– Что с ним произошло?

– Точных данных пока нет, – обтекаемо ответила я, – похоже, ваш муж совершил самоубийство.

– Он оставил записку? – прошептала Лаура.

Я не успела ответить, в комнату вошел врач с чемоданчиком, Кривоносова уставилась на него.

– Это Вадим Борисович, – представила я, – наш доктор, он вам сейчас давление померяет.

– Я старшая медсестра, – заявила Лаура, – отлично понимаю, что на аппарате двести двадцать на сто тридцать выско-чит.

– И все же давайте посмотрим, – попросил Вадим, – я вам таблетку дам, могу укол сделать, у нас есть где полежать.

– Мне лучше домой, – всхлипнула Кривоносова, – только

заплачу сначала. Сколько с меня?

– Вы ничего не должны, – ответила я, – мы по делу совсем не работали. Пусть Вадим Борисович все-таки измерит давление, а я пока позвоню вашим родственникам. Не надо сейчас одной оставаться.

– Никого из близких, кроме подруги Лены, у меня нет, – уточнила Лаура, – я в порядке. Знала, что скоро этот день наступит, готовилась... Просто когда услышала...

– Дайте, пожалуйста, телефон Елены, – попросила я.

Лаура продиктовала цифры, я, оставив ее с врачом, вышла в коридор.

Живет себе человек, расстраивается по разным поводам, из-за отсутствия денег, хочет большую квартиру, новую машину, повышения по службе... А потом заболевает, и становится понятно: господи, мне ничего, кроме здоровья, не надо. Все вокруг жалуются на тяжелую жизнь, но что-то никто в лучший мир не торопится.

– Алло, – пропел звонкий голос.

Я почему-то вздрогнула.

– Добрый день, Елена, вас беспокоит Евлампия Романова из частного детективного агентства Макса Вульфа. Вы знакомы с Лаурой Кривоносовой?

– Да, мы близкие подруги, – встревожилась собеседница. – Что случилось?

– Ее муж, Никита Владимирович, вчера...

– Знаю, – перебила Лена, – она мне в шесть утра позвони-

ла, я посоветовала ей идти в полицию. Кит не такой человек, чтобы нажраться и заснуть в канаве.

– К сожалению, Обжорин умер, – договорила я.

– Господи! Прямо на улице? – испугалась Яшина. – За что ему это! Никита болел, но не выглядел совсем уж плохим.

– Он покончил с собой, – объяснила я.

– Ох! Бедная Лаура, – запричитала Яшина, – она его так любит! А он ее! У них замечательная семья! Ну как же так? А?

Я подождала, пока Елена чуть-чуть успокоится, и продолжила:

– Обстоятельства кончины Никиты Владимировича не совсем обычны, есть нюанс, о котором мы пока не сообщили вдове. У меня к вам просьба. Не могли бы вы приехать к ней домой? Я привезу Лауру и в вашем присутствии расскажу ей, как погиб Обжорин.

– Что-то ужасное? Да? – перепугалась Яшина. – Пожалуйста, объясните мне прямо сейчас, я с ума сойду, пока не узнаю.

– Перед тем, как застрелиться, Никита Владимирович сбил пешехода, – пояснила я.

– Ой, мамочка! – ахнула Лена. – Я в законах не разбираюсь, а вы, наверное, хорошо их знаете. Лаура с Никитой в официальном браке состоят. Мою подругу могут заставить оплачивать лечение пострадавшего? Она совсем не богатая, работает медсестрой, Кит получал...

– Пешеход умер на месте, – перебила я Елену.

– О боже! О господи! Теперь его родня потребует с Кривоносовой компенсацию, – еще сильнее задержалась Яшина.

– Давайте пока не будем переживать из-за того, что не произошло, – попросила я. – Сейчас надо аккуратно сообщить Лауре обстоятельства смерти мужа. Лучше это сделать в домашней обстановке, в вашем присутствии. И не оставляйте Кривоносову сегодня одну ночевать.

– Нет, конечно, нет, – затараторила Лена. – Вы когда приедете?

– Это зависит от пробок, думаю, через час, – уточнила я.

– Ага, сейчас сношусь в супермаркет, – засуетилась Яшина, – куплю еды, прихвачу Лаурино любимое шоколадное мороженое, оно ее всегда успокаивает.

* * *

Около пяти вечера мы с Еленой сидели на маленькой кухне. Яшина включила чайник.

– Сделать вам бутерброд?

– Спасибо, совсем есть не хочется, – отказалась я.

– Завидую тем, кто в момент стресса к жратве не кидается, – вздохнула Елена, – а мы с Лаурой, если понервничаем, сразу на пирожные накидываемся. Хотя для детектива смерть человека обыденность, особых эмоций не вызывает, работа у вас такая, привыкли к гибели людей.

– Равнодушный сыщик должен уходить из профессии, – возразила я, – но и сильно переживать нельзя. Мне всегда очень жаль и жертву, и ее родственников, вот только я понимаю, что чересчур личное отношение мешает выяснить правду. Простите, кто-то меня разыскивает. Алло.

– Лампудель, – сказал Роман, – есть информация. «Скорую» вызывал не Обжорин, у звонившего на пульт был закрытый номер, но у диспетчера он определился. Принадлежит Андрею Николаевичу Кузнецову, проживающему по адресу: Баканинская улица, дом пять. Есть запись его голоса. Слушай.

– «Алло! Скорая? – раздался из трубки красиво окрашенный баритон. – Улица Ремонтная, семь, напротив клуба «Ликси» сбили человека. Он жив, поторопитесь».

– Это все, – продолжал Роман, – потом он швырнул трубку. Врачи ехали пятнадцать минут. Когда они прибыли, Сыркин был еще жив, но едва доктор к нему приблизился, как он умер. В документах врач со «Скорой» указал: «Смерть до прибытия», но я с доктором нежно погутарил, и он признался: «Сыркин скончался, когда я над ним наклонился. Реанимировать его не могли, травмы не совместимые с жизнью, и у нас нужной аппаратуры нет. На данный случай есть негласный приказ писать в бумаге: «Смерть до прибытия». Я не сволочь, всегда бьюсь за больного, но в случае с Сыркиным все было бесполезно». Андрей Николаевич Кузнецов по указанному адресу не проживает, потому что

Баканинской улицы в Москве нет. Эй, чего молчишь?

– Я нахожусь дома у Лауры Кривоносовой, меня ее подружка Елена чаем угощает, – ответила я.

– Понял, не дурак. Значит, сам скажу. Телефон Кузнецова сейчас отключен. Вероятнее всего, симку купили у продавца, который не проверял паспорт клиента. Ничего нового.

– Сейчас варенье принесу, – пообещала Лена и вышла.

– И зачем доброму дяде так шифроваться? – продолжал Роман. – Со смертью Обжорина все не так просто.

– Некоторые мужчины заводят второй мобильник для общения с любовницей, – подсказала я, – прячут его в машине, чтобы супруге на глаза не попался. Вероятно, наезд увидел неверный муж, побоялся воспользоваться официальной трубкой, сообразил, что полиция заинтересуется свидетелем, вызовет его, а до законной половины дойдет, что благоверный вечером не на совещании сидел, а зачем-то по Ремонтной улице шлялся. Вот он и воспользовался запасным сотовым, а потом выбросил его. Меня удивило, почему он сказал: «Напротив клуба «Ликси»? Обжорин совершил наезд возле банка «Мэте». Можешь проверить, где «Ликси» находится? Про Сыркина что-нибудь узнали? Большое спасибо за звонок, непременно сегодня заберу свой заказ».

– Понял, опять говорить не можешь, звякни, как освободишься. Есть кое-что про Сыркина, – сообщил Роман.

Я положила трубку в сумку.

– Плохо, когда квартира размером с пятак, – вздохнула

Лена, открывая банку с вареньем, – Лаура хозяйственная, делает осенью запасы, а где их держать? Никита оборудовал шкаф в коридоре, но в него...

Стеклянная банка выскочила из-под руки Яшиной, перевернулась, крышка отскочила, густая темно-красная масса начала стекать со столешницы.

– Ой, что я наделала, – запричитала Лена. – Куда бумажное полотенце подевалось? Всегда над мойкой стоит, а сейчас его нет! Лампа, вам не сложно принести рулон? В туалете в стене за унитазом всякая ерунда складирована, я не могу, вся перемазалась.

Я поспешила в санузел. Квартира у Кривоносовой крошечная, но очень уютная, видно, что хозяева с любовью украшали свой быт и старались использовать каждый сантиметр пространства. Никита на самом деле был рукастым, в туалете он сделал удобный шкаф с дверями-гармошкой. Я сложила створки и невольно вздохнула. У нас с Максом намного больше места, но у меня в хозяйственном отсеке вдохновенный беспорядок. А тут прямо немецкий Ordnung². Банки-бутылки стоят по росту, а на стене приклеено объявление. «СтЕральные пАрАшки вверху. В низу для меБИли. Красный кАнтеНер для труб». Я несколько раз прочитала текст, взяла бумажное полотенце, принесла его Елене и спросила:

– Никита Владимирович любил порядок?

² Ordnung – порядок.

– Не то слово, – улыбнулась Яшина, собирая варенье с пола. – Я Лене завидовала, она никогда о чистоте не заботилась. Никита сам пылесосом орудовал. Вы только посмотрите, что на полках, откройте любой шкафчик.

Я распахнула высокий «пенал» и присвистнула.

– У меня начинает бурно развиваться комплекс плохой хозяйки. Крупы в стеклянных банках стоят в линейчку. Ни одного разорванного пакета или кое-как смятой упаковки.

– Да, – засмеялась Елена, – такого чистюлю, как Обжорин, поискать. Придет из магазина, сразу все пересыплет, он даже подсолнечное масло из бутылок в специальную тару переливал, стеклянную, с дозатором.

– Трудно жить с таким человеком, – предположила я, – меня бы он каждый день грыз, частенько оставляю в ванной открытые тюбики, комкаю полотенца. А у Кривоносковой санузел выглядит как в номере дорогой гостиницы, куда вот-вот въедут новые постояльцы: все сверкает, халаты и махровые простынки идеально сложены.

– Никита Лауре никогда замечаний не делал, – возразила Яшина, – он просто убирал то, что жена раскидывала. В каждом шкафу объявления повесил, но не для того, чтобы Лорку воспитывать, он таким образом хотел ей жизнь облегчить. Начнет она в отсутствие Никиты вещи искать, полчаса потратит. Хозяйством муж занимался, Лора не в курсе, где утюг. А вдруг он ей понадобится, когда Кита нет? Лаура

шкафик откроет и видит. Ну-ка, гляньте сейчас на дверцу.

Я посмотрела, куда велела Яшина. Никита прикрепил к внутренней стороне двери рамку для фото, в нее был вставлен лист бумаги. «Верхняя полка. Крупы. Соль. Средняя – БОкОлея. Чай. КофЭ. СахОр. ВОнил. Нижняя – ...»

Я оторвалась от захватывающего чтения.

– Обжорин не был грамотеем.

Елена включила чайник.

– И что? Да, Никита писал безграмотно. Он с юных лет в спорте, на учебу времени не оставалось, заканчивал школу победителем разных соревнований, оценки в аттестате ему натянули. Вот у меня был муж грамотный, он и слова правильно писал, и запятые где надо ставил, но не от этого семейное счастье зависит, развелись мы. Кит очень Лауру любил, оберегал, хотел купить большую квартиру. Не для себя, о Лауре думал, она цветовод знатный, вон, полюбуйтесь, весь подоконник заставлен. Никита мне один раз сказал: «Лаура такую красоту выращивает, ей бы места побольше. Из кожи выпрыгну, а приобрету трешку с огромными окнами». Сам Никита увлекался моделированием автомобилей. Видели в комнате полочку, на ней машинки всякие стоят? А на стене висят дипломы и медали.

– Обратила внимание на игрушки, – ответила я, – думала, хозяин их покупал, очень красивые. И награды заметила, но сочла, что они за спортивные достижения покойного. И там еще семейных снимков много в рамках, очень краси-

вых, с золотым орнаментом.

– Верно, – согласилась Елена, – Лаура очень Никитой гордилась, поэтому вывесила на стену все свидетельства его успехов. Слева спортивные, а справа автомодельные. Обжорин постоянно на конкурсах сборщиков копий машинок побеждал. Как ни забегу к ним в гости, Кит в комнате над столом сгорбился, ковыряется с очередным экземпляром. В библиотеку он еще ходил, читал книги-журналы про всякие лимузины, прежде чем за новую модель сесть, материал собирал, фото смотрел. Жюри конкурса требовало представить им не только модель, но и рассказ о ней. Никита долго описание составлял, набирал его на компе, распечатывал и вручал Лауре. Жена все ошибки исправляла, Кит потом тщательно весь текст правил. Кривоносова совсем не умеет на ноутбуке работать, глаза у нее от него болят, поэтому они избрали вот такой путь. Никита обычно рукопись незадолго до первого дня конкурса подготавливал, Лаура торопилась с правкой, боялась не успеть, у нее занятость в клинике высокая. Позавчера она мне сказала: «Недоделала работу над ошибками, написала на полях: «Дальше не читала», умчалась на работу и испугалась, вдруг он не заметит мою пометку, решит, что все готово, поправит доклад и отвезет? А там две последние страницы не тронуты! Я заволновалась, позвонила мужу, тот меня успокоил: «Все видел, оставил бумаги в папочке, основную часть поправил, последние листы не тронул». Лорка очень переживала за мужа,

хотела, чтобы он, как всегда, первое место получил на конкурсе моделей. И с настоящими автомобилями Кит отлично справлялся. Он свою «девятку» так переделал! Снаружи она вроде старенькая, а под капотом зверь! С места ракетой взлетала. Золотые у него руки были, и характер бриллиант. И фото, которые у них в комнате на стене висят, Кит сам окантовал, рамки золотой краской разрисовал, он все умел делать. Лауру любил без памяти. Чтобы на престижную работу устроиться и хорошую зарплату получать, на курсы пошел. Учеба ему с трудом давалась, но Никита вовсе не дурак. Из него мог получиться прекрасный инструктор, он детей здорово тренировал, у него все классы и на лыжах ходили, и кросс бегали, и азы гимнастики выучили. Мы с ним в одной гимназии работали, там психолог есть, уж простите, полная дура, хоть и с высшим образованием. Заглянет к ней в кабинет ребенок за советом, а Вера Семеновна тест подсовывает. Сама в проблему вникать не желает, отделяется бумажкой. Детей обмануть трудно, они живо раскусили кто есть кто и со своими проблемами к полуграмотному Никите бежали. Обжорин писал «замуш» или «зберечь», но он ребят понимал, многим помог. И все знали: если попросишь Никиту сохранить тайну, никому не рассказывать, на что ты жаловался, он рта не откроет. А Вера Семеновна на родительских собраниях вслух результаты тестов докладывает:

– Уважаемый Петров! Ваша дочь на вопрос, имела ли она половой контакт с мужчиной, поставила крестик. Ей всего

тринадцать лет. Разберитесь.

Здорово, да? Может, девочка перепутала, не тот знак нарисовала? Каково отцу это слышать? Кстати, на анкетах сверху написано: «Результаты не разглашаются». Ну и кто у нас психолог, а кто дура?

Глава 6

Пылкую речь Елены прервал звонок в дверь.

– Кого это принесло? – удивилась Яшина. – Вот некстати, сейчас Лауру разбудят, ей бы пару часиков поспать.

Лена вышла в прихожую, я открыла айфон и стала читать присланное мне Романом на почту предсмертное письмо Обжорина, краем уха слушая разговор, долетавший из передней.

– Здравсти, вы к кому?

– Курьерская доставка, пакет Лауре Кривоносковой.

– Спасибо, дайте сюда.

– Покажите паспорт.

– У меня его нет.

– Другой документ, удостоверяющий личность.

– Пропуск в школу подойдет? Я учительница.

– Там фото есть?

– Да.

– Хорошо.

Послышался шорох, потом беседа возобновилась.

– Не могу отдать бандероль.

– Почему? – возмутилась Елена.

– Тут указано, получатель Лаура Сергеевна Кривоноскова. А вы показали карточку на имя Елены Константиновны Яшиной.

- Верно, это я. Лаура моя лучшая подруга.
- Тут не написано: «Отдать знакомой». Я обязан вручить пакет лично Кривоносовой.
- Она спит. У Лауры муж умер, она в шоке, поэтому легла.
- Ну и чего? Разбудите ее.
- Никогда!!!
- Ладно, до свиданья.
- Куда вы?
- У меня полная машина отправлений, некогда тут с вами трендеть.
- Оставьте пакет.
- Запрещено. В доставочном листе указано: «Вручить лично в руки Кривоносовой».
- Приезжайте часа через три, она проснется.
- Нет.
- Почему?
- Оплачена одноразовая доставка.
- Хорошо, дайте адрес, где Лаура сама может посылку получить.
- Нигде.
- Как это?
- Мы не почта. Курьерская служба. Бандероль вернут отправителю за невручением. Распишитесь вот тут, в графе укажите: «Отказ в связи с отсутствием получателя».
- Лаура дома!
- Пусть забирает бандероль.

– Она спит.

– До свидания.

Раздалось шуршание.

– Это что? Деньги?

– Да, давайте я за Лауру распишусь, – стала умолять Лена, – а вы пообедаете вкусно.

– Ага! А потом Кривоносова хай поднимет, и я работы лишусь. От чаевых никогда не отказываюсь, но другому человеку корреспонденцию не отдаю.

– Евлампия Андреевна, – зашептала Елена, заглядывая в кухню, – помогите.

Я вышла в крошечную прихожую и увидела на пороге того лысого мужичонку неопределенного возраста.

– Вот она из полиции, – торжественно заявила Яшина, – пришла по поводу смерти Никиты Владимировича. Сотруднику правоохранительных органов вы обязаны все отдать.

– Нет, – не дрогнув доставщик, – только если ордер от прокурора есть, придется ей в наш головной офис ехать. Я законы знаю.

– Лена, кто-то пришел? – спросила из комнаты Лаура.

– Разбудили! – всплеснула руками Яшина. – Милая, тебе бандероль принесли, выйди, пожалуйста, с паспортом.

– Сейчас, – пообещала хозяйка.

Я посмотрела на конверт формата А-4, который курьер не выпускал из рук, и вернулась на кухню.

– Вот долдон! – сердито воскликнула Лена, вернувшись. –

Впервые такого зануду встречаю.

– Он прав, – защитила я курьера, – нельзя отдавать письма в чужие руки. Жаль, что Лаура проснулась.

– Лена! – закричала из комнаты хозяйка. – Сюда, скорей!

Яшина метнулась на зов, через пару секунд до моих ушей долетел отчаянный плач.

Я колебалась пару минут, потом заглянула в комнату.

– Что-то случилось?

Лаура лежала на диване, уткнувшись лицом в подушку, ее плечи тряслись. Лена сидела рядом, на коленях у нее лежал открытый конверт. Увидев меня, она сделала резкий жест рукой, я поняла его правильно и вернулась в кухню.

Минут через десять Яшина снова появилась и начала извиняться.

– Я выгнала вас, Лаура не из тех, кто любит рыдать при посторонних, заметь она вас, ей бы совсем плохо стало. Уж простите.

– Ну что вы, я все понимаю, – пробормотала я. – Кривоносову расстроила бандероль? Кто-то гадость написал?

Яшина положила на стол несколько фото, наклеенных на картон, по краям снимки были обрамлены золотым орнаментом.

– Там сзади есть колечко, – объяснила Елена, – фотографии можно на стену повесить. Смотрите, справа Лаура, слева Никита.

– Такие счастливые, – улыбнулась я, – мороженое едят.

Снято на отдыхе?

– Свадебное путешествие, – горько вздохнула Лена, – я их буквально заставила на неделю путевки купить. Они сначала год в гражданском браке жили, потом отношения оформили. Праздника устраивать не стали, да и не для кого. Ни у Лауры, ни у Кита родни нет, мы пошли в кафе, чаю с пирожными попили, и я стала их уламывать:

– Возьмите тур.

Они не соглашались, твердили:

– Хотим на квартиру копить, первый взнос – сорок процентов стоимости, на остальное ипотеку возьмем.

Но я их уломала. Они потом постоянно ту счастливую неделю вспоминали. В бандероли эти снимки лежали, Никита отдал их окантовать. Хотел сюрприз Лауре на годовщину знакомства сделать, двадцать пятого сентября они впервые встретились. Записочку написал. Вот.

Лена положила на стол открытку.

– Читайте, там секретов нет.

Я взяла почтовую карточку. «ДАрАгая Лаура! Люблю ТИ-бя как тАгда». Дальше шла подпись.

– Ленуся, – позвала хозяйка, – принеси попить.

Яшина налила в стакан воды из кувшина и убежала, а я сфотографировала снимки, открытку и успела отложить айфон за пару секунд до возвращения Елены.

– Евлампия Андреевна, – смущенно заговорила та. – Лауре хочется принять ванну, надеть халат... ну... в общем...

Я встала.

– Засиделась в гостях.

– Мы вам рады, – поспешила смягчить ситуацию Яшина, – но подруга устала, сил у нее нет. Спасибо, что помогли. Кабы не вы, Лаура до сих пор бы в неведении пребывала. Никто ей из морга не позвонил, ну и люди! У Никиты документы были с собой, неужели трудно супруге сообщить? Холодные, равнодушные сердца. И вам тоже расслабиться надо, переживали за Лауру, хоть она вам совсем посторонняя. Побольше бы таких, как вы. Примите нашу глубочайшую благодарность.

– Если возникнут вопросы, я соединюсь с вами, – пообещала я, выходя на лестничную клетку.

Елена забеспокоилась:

– Вопросы? Какие? Все же ясно. Никита покончил с собой. Жаль того, кого он задавил, но я уверена, что Обжорин случайно на пешехода наехал. Что непонятного?

– У вас есть хороший адвокат? – задала я встречный вопрос.

– Нет, – опешила Яшина. – А зачем он мне?

– Не вам, Лауре, – объяснила я, – вдова Сыркина или его дети могут предъявить претензии.

– Вы полагаете? – испугалась Лена. – Но разве жена отвечает за то, что совершил муж, да еще совсем больной?

– Вот поэтому я и заговорила об адвокате, – сказала я, – вашей подруге необходимо проконсультироваться со знающим человеком.

– Это дорого, – пробормотала Лена, – Лауре похороны надо оплачивать. Сейчас что родиться, что умереть больших денег стоит. Не знаете, когда тело отдадут?

Я протянула Яшиной визитку.

– Позвоните мне завтра утром, тогда и отвечу. У нас в агентстве есть юрист, пусть Лаура приедет, он ее бесплатно проконсультирует.

– Храни вас господь, вы ангел! – запричитала Елена. – Дай, боже, Евлампии Андреевне здоровья. До свидания. Берегите себя, вы такая бледная, прямо синяя.

Дверь захлопнулась, я сделала шаг к лестнице, неожиданно оступилась и шлепнулась на колени. Сначала было больно, потом стало смешно. Ну, Лампа, у тебя сегодня и денек выдался, рухнуть на ровном месте не у каждой получится. Я просто талант, хорошо хоть джинсы не порвала. И почему я упала? Ага, понятно, на полу нет одной плитки, моя нога попала в ямку, щиколотка подвернулась...

– Она ушла? – раздался из квартиры голос Лауры.

– Слава богу, да, – ответила Елена, – никак собраться не могла, сидела, уши развесила.

– Ленуша, что мне теперь делать? – зарыдала хозяйка. – Откуда у него это? Где он достал?

– Ты ничего не знала?

– Нет! Даже не подозревала.

– Ну... Никита хотел тебя счастливой сделать. Он знал, что умрет, и позаботился о тебе.

– Почему так?

– По-моему, очень благоразумно.

– Он ни слова не сказал, что замыслил застрелиться. Я бы его отговорила!

– Если человек на самом деле решил уйти из жизни, его не остановишь.

– Я бы сумела, я бы смогла...

– Нет, дорогая, Никита так решил, надо уважать его волю.

– Зачем мне это, если его нет?

– Твой муж... Слушай, я стою у окна и не вижу, как сыщица выходит из подъезда. Она тебя на машине привезла?

– Да.

– На какой?

– Маленькая иномарка, смешная такая, синяя.

– Вон та? Глянь!

– Где?

– Слева, у бачков.

– Да.

– Почему Романова до сих пор не появилась? Черт!

Раздались шаги. Я в мгновение ока скинула туфли и босиком кинулась по лестнице вниз. Через пару секунд сверху послышался хлопок двери. Я опрометью донеслась до первого этажа, надела туфли, вынула из сумки телефон, приложила его к уху, вышла из подъезда, сделала несколько шагов, остановилась и начала энергично размахивать рукой и кивать, имитируя разговор по мобильному. Минут пять я изобража-

ла увлеченность беседой, потом села в свою букашку и резво укатила.

Глава 7

Едва я очутилась на проспекте, как телефон зазвонил по-настоящему.

– Как дела? – спросил Костин.

– Буду часа через полтора, – отпраповтовала я, – дожидись меня, я узнала много интересного и странного про Лауру Кривоносову.

– Я думал, с ней все, – удивился Вовка, – тело мужа нашли в морге.

– Приеду расскажу, – пообещала я, – и пусть Макс тоже останется.

– А он уже смылся, – пояснил Костин, – порулил к Кожевникову, его жена заяву настрочила о жестоких побоях.

– Ну и ну! – возмутилась я. – Михаил Павлович не хочет на супругу в суд за клевету подать? Макс уже несколько раз доказывал, что баба сама себе увечья наносит, чтобы мужа посадили.

– Любовь у него, понимаешь, – хмыкнул друг. – Чем больше женщину мы любим, тем меньше нравимся мы ей³.

– Классик написал иначе, – захихикала я.

– Это мое личное авторское выражение, – засмеялся Костин, – оно целиком и полностью справедливо. Жду!

³ «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей». А. С. Пушкин, «Евгений Онегин».

Я вытащила из уха наушник и начала перестраиваться в правый ряд. Дело к вечеру, но я все равно хочу купить тональный крем с румянами, надоело слушать от всех про свою бледность.

* * *

– Могу вам помочь? – спросила девушка-консультант, подходя ко мне.

– Да, – ответила я, – нужен тональник, самый светлый, без розового оттенка, но у вас тут незнакомые фирмы, никогда их продукцию не приобретала, боюсь покупать неопробованное.

– Страдаете аллергией? – предположила продавщица.

Я посмотрела на бейджик, прикрепленный к ее блузке.

– Вы правы, Света. Например, пудра «Ланком» прекрасно мне подходит, а от туши этой фирмы веки у меня краснеют. Губная помада «Avon» тоже подходит, хоть она и недорогая, а «Шанель» за хорошие деньги превращает мои губы в клюв утенка.

Света понизила голос:

– Можете сказать, сколько стоят тени на моих глазах?

– Конечно, нет, – удивилась я. – И кто сможет это сделать? Разве что закупщик товара, который обязан во всех тонкостях разбираться.

– Байеры тоже ошибаются, – засмеялась девушка. – К че-

му я это говорю? Зачем переплачивать, когда можно сэкономить. Вон там пудра за шестьдесят рублей, а на стенде слева похожая за две тысячи пятьсот. На лице вы разницы не заметите. Знаете, что вам подойдет? «Новая кожа» от «Аенвит»⁴, фирма недорогая, не раскрученная, но прекрасная.

– Впервые о такой слышу, – удивилась я.

– В Америке она очень популярна, – завела Светлана, – наша хозяйка ее в Нью-Йорке опробовала и в восторг пришла. Полная гамма оттенков, вам нужен нулевой.

Я подошла к стенду.

– Ого! Маленький флакончик за четыре тысячи. Однако! Его хватит на несколько дней. Мне показалось, или вы ее недорогой назвали?

– «Новая кожа» революционное средство, наносите один раз в неделю и семь дней свежи как персик.

– Не смывается? – поразилась я. – Или умываться нельзя? И во что моя кожа превратится, если столько времени ее не очищать?

– Хотя в баню ходите, – заверила Света, – тональное средство состоит из наночастиц, оно проникает сквозь кожу и убирает недостатки изнутри. Получается эффект перманентного татуажа. Держится семь суток как вкопанный.

– Да? – с недоверием спросила я.

– Лиза, подойди-ка, – крикнула Света.

Из-за стеллажей вынырнула прехорошенькая блондинка.

⁴ «Аенвит» – название придумано автором, совпадения случайны.

– Чего?

– Как вам Елизавета? – спросила у меня Светлана. – Посмотрите на нее внимательно.

– Она красавица, – совершенно искренне ответила я, – хотелось бы мне иметь такой цвет лица.

– Можете его получить, – воодушевилась Лиза, – это «Аенвит». Вообще-то я на больную желтухой похожа, синяки, как у вас, на поллица. Что ни делала, кучу всего перепробовала, ни фига не работает. Час-другой прекрасно выгляжу, затем красотища сползает. Я утром будильник на полчас раньше ставила, чтобы проснуться, пока муж еще спит, и живенько накраситься. Теперь проблем нет. Легла спать розочкой, проснулась персиком.

– Прямо не верится, что это возможно, – вздохнула я.

Света вынула из держателя флакончик.

– Сумка у вас дорогая, туфли не с помойки, маникюр и стрижка из модного салона, джинсы-куртка от люксового бренда. Купите на пробу, вас не разорят четыре штуки. У нас сегодня акция, если берете тональный крем, получаете румяна в подарок, и я дам пробничек теней. А Лиза вас накрасит, она визажист, объяснит, как «Аенвитом» пользоваться.

– Хитростей почти нет, – охотно заговорила вторая девушка, – нужен влажный спонжик, и все дела. Давите жабу. Сами зарабатываете, или повезло за богатого выскочить?

Я решила не вдаваться в подробности.

– У нас с мужем небольшая фирма.

– Ну, тогда он вас за транжирство жучить не станет, – обрадовалась Светлана, – хотя я такая же, как вы. Маме все куплю, дочке тоже, а на себя жалко. Готова вроде вас с желто-зеленой мордой ходить.

Я машинально посмотрела в круглое зеркало на стене. Мда, госпожа Романова похожа на росток картошки, который вылез из синеглазки, всю зиму пролежавшей в подполе. Я решила:

– Беру!

Света открыла ящик.

– Нулевой... нулевой... вроде его нет...

– Вот жалость, – расстроилась я, уже настроившись на покупку.

– Можно взять первый, – с некоторым сомнением произнесла Лиза, – хотя...

– А! Нашла! – обрадовалась Светлана. – Вот же он! И почему сразу его не заметила?

– Там минус почему-то нарисован, – удивилась Лиза.

– Где? – спросила Светлана.

– Вот, на коробке, минус ноль, – уточнила Лиза.

– Ну ты даешь, – развеселилась коллега, – добрый вечер, дорогая, минус ноль не бывает. Плюс ноль, кстати, тоже. Ноль он и в Африке ноль.

– На ноль делить нельзя, – вспомнила я слова своей учительницы математики Валентины Сергеевны.

– Оплачивайте товар и возвращайтесь, – улыбнулась Ли-

за, – мои услуги бесплатны.

Минут через пятнадцать я посмотрела в зеркало и испытала горькое разочарование.

– Ничего не изменилось.

Лизавета сложила руки на груди.

– Быстро только кошки рождаются. Надо подождать. Макияж проявится через час, может, позднее, все зависит от свойств вашей кожи. И когда «Аенвит» наносится впервые, он дольше действует. Я вам сделала дневной макияж, очень нежный, скоро станете бутончиком, на губы немного помады нанесла, на щеки румяна и тени на веки. Вам не нужен тяжелый макияж, смоки-айс всякие противопоказаны. Езжайте спокойно куда надо, эффект непременно будет, не сомневайтесь.

Глава 8

– Некоторые странности наблюдаются, – согласился Вовка, выслушав мой рассказ.

– Не-ко-то-рые? – по складам произнесла я. – Ты меня плохо слушал? Повторяю. Обжорин, судя по рассказу Елены, был мастером на все руки. Но он отличался потрясающей безграмотностью, вот, полюбуйся, я сфотографировала открытку, которую он отправил жене. «ДАрАгая Лаура! Люблю тИбя как тАгда!» За это даже двойки много, в шести простых словах четыре ошибки. Но в его письме грамматических ляпов нет, и текст длинный, такой в стрессовом состоянии не составляют. Вот если бы Никита Владимирович нацарапал на каком-нибудь обрывке: «ПрАстите. НИ хотел его Збить, я рИшил умИреть», у меня бы сомнений в подлинности письма не возникло. Надо отдать записку графологу, позвони Сергею Петровичу, он нам никогда не отказывает.

– За деньги, которые мы ему платим, я бы не только почерковедческую экспертизу проводил, но еще и вприсядку плясал, – ухмыльнулся приятель.

– Ты сразу упадешь, – засмеялась я.

– Нет, – заспорил Костин, – в детстве я занимался танцами. В нашей школе работал кружок.

– И когда это было? – еще сильнее развеселилась я. – Сто лет назад?

– Совсем недавно, – уперся Вовка, – если человек когда-то обучался танцам, он никогда уже их не забудет. Мышцы имеют память. Это как езда на велосипеде. Ты в детстве кататься любила?

– Мне мама не разрешала, – призналась я.

Костин встал.

– Лампа, ты тепличное растение, а я и на велике, и на мопеде, и на мотоцикле с коляской рулил. И пляшу до сих пор отлично. Смотри.

Я не успела ничего сказать, как Костин быстро присел, выбросил вперед ногу, хлопнул в ладоши, сложил руки на груди, потом приподнялся, потерял равновесие и рухнул на пол.

Я расхохоталась.

– Свалился! Эй, великий балерун, ты жив?

– Это не падение, – прохрипел Костин, пытаясь встать, – так и надо.

– Плюхнуться на спину? – уточнила я. – Оригинальная постановка русского народного танца.

– Ты ничего не понимаешь в хореографии, – возразил Вовка, кое-как умудрившись сесть, – это па называется «парашют».

– Да? – прищурилась я. – Напоминаю, у меня диплом консерватории. «Парашют» что-то совсем экзотическое, раз я о нем не слышала.

– Твой вуз народ называет «Балалайка», он танцам не обучает, – разозлился Костин, потирая локоть, – ты нащипыва-

ла арфу.

Я не стала перечить.

– Верно, но, сидя в оркестре и бегая пальцами по струнам, я иногда видела, как выступают балетные.

– Чем вы тут занимаетесь? – спросил Макс, входя в комнату.

– Костин решил исполнить «Камаринскую плясовую», которую прославил Михаил Иванович Глинка. Но у Вовки ноги переплелись, и номер не получился, – наябедничала я.

В комнату всунулся Роман.

– Вы тут все? Супер. По Сыркину Виталию Павловичу закавыка. И насчет кафе «Ликси» непонятка, заведения с таким названием не только на Ремонтной, но и во всей Москве нет.

– Может, вы плохо расслышали? – предположила я. – Аноним торопился, вероятно, он произнес «Лифси» или «Линси», «Випси».

Бунин опытный специалист, он может с помощью своих компьютеров раздобыть все что угодно. Одна беда, Рома обидчив, как двенадцатилетний подросток, в любой, самой безобидной фразе он способен обнаружить двойной, тройной смысл и сразу надуться.

Вот и сейчас Роман нахохлился:

– По мнению Лампы, я идиот! Ничего типа «Ликси», «Шмикси», «Випси» и другого в этом районе нет.

– Но «Скорая» приехала, – удивилась я.

– Да, потому что аноним указал точный адрес – Ремонтная, семь, – объяснил Костин.

– А в том доме бар «Крошка Му», – дополнил Бунин, – дешевое заведение, наподобие рюмочной. Сидячих мест нет. Столики на высоких ножках, в меню кофе, чай, бутерброды, шаурма, в качестве изыска винегрет с майонезом. Закрывается оно в семь, что странно.

– Клиентура, скорее всего, из служащих близлежащих автосервисов, – предположил Костин. – Аноним мог названия перепутать.

– Произнес «Ликси», глядя на «Крошку Му»? – ухмыльнулась я. – Это возможно? Роман прав, странно, что шалман прекращает работу в семь. У заведений с выпивкой вечером основной сенокос.

– Стоп, – скомандовал Макс, – а теперь с самого начала, я знаю лишь про то, что Лаура Кривоносова хотела найти своего пропавшего мужа.

Я быстро объяснила мужу суть дела.

– Неприятно, что Обжорин совершил суицид и прихватил с собой на тот свет Сыркина, – резюмировал Вульф. – Но вам тут больше заниматься нечем.

– Подожди, – остановила я Макса. – Вова, покажи предсмертное письмо Обжорина, в котором нет ни единой грамматической ошибки. А вот для сравнения фото записки, которая якобы была приложена к бандероли, полученной Лаурой.

Спустя пару минут Макс повернулся ко мне:

– Думаешь, письмо, найденное в машине, писал не Обжорин?

– Почерк похож, – влез со своим замечанием Роман, – но я не графолог.

– С этим не поспоришь, – не упустил возможности связать Володя. – Вопрос: может ли столь неграмотный человек в минуту сильного стресса, только что сбив насмерть человека и собираясь лишиться себя жизни, составить пространное послание без единой помарки и ошибки, как с точки зрения грамматики, так и пунктуации? Я слышал, что в момент опасности у некоторых людей пробуждается невиданная физическая сила, читал о хрупкой пожилой женщине, которая одной рукой подняла бетонную плиту, чтобы вытащить из-под нее внука и спасти его после землетрясения.

– Если человек пишет МАсква, никакое душевное потрясение не научит его верно указать название столицы, – перебил его Роман. – Знаете, как дело было? Обжорин не собирался на тот свет. Лампа говорит, что он жену сильно любил.

– Да, – подтвердила я, – Елена рассказывала, как нежно Никита относился к Лауре, сам вел домашнее хозяйство, ради исполнения общей мечты – покупки большой квартиры – пошел учиться на курсы. Ему трудно давалась наука, но он старался. И умереть он решил не дома, а в парке, потому что не хотел травмировать Лауру видом своего мертвого тела.

– Теперь послушайте меня внимательно и молча! – по-

требовал Роман. – Никита был профессиональным спортсменом, а они не приучены сдаваться. Дело было так. Обжорин вечером куда-то поехал, с ним в машине кто-то еще находился...

– Куда-то... кто-то... – повторил Макс, – не очень конкретно.

– Этот пока неизвестный человек стал свидетелем наезда, – не обращая внимания на заявление начальника, продолжал Бунин, – позвонил в «Скорую», оставил письмо и убежал.

– Мда, – крикнул Вовка, – боевая версия. Давай вспомним, что и Елена, и Лаура утверждают, будто у Никиты Владимировича не было друзей. С кем он мог вместе ехать?

– Решил бомбилкой подработать, – не сдался Бунин, – подобрал клиента, вероятно, криминального авторитета. На Ремонтной сбил Сыркина. Пассажир испугался, что полиция приедет, застрелил шофера и свалил.

Я уставилась на Романа, он всерьез это говорит? Костин тоже сверлил взглядом Бунина.

– Интересно! А перед тем как пристрелить Обжорина, преступник сначала допросил его, узнал про болезнь, о его отношениях с женой, написал пространное послание и лишь потом вытащил оружие. Много чего я повидал, но о таком не слышал.

Бунин нахмурился.

– В отчете эксперта указано: ранение Обжорина являлось

смертельным, но умер он не сразу, минут десять-пятнадцать еще жил. Мужик выстрелил себе в грудь, а не в голову.

– Странно, – заметил Макс.

– Но он так поступил, – вещал Роман, – если сильно же-ну обожал, то мог подумать, каково бабе на развороченную башку глядеть. Ни один гример лицо в порядок не приведет, вот он и пальнул типа в сердце. Он еще некоторое время говорить мог.

– И писать без ошибок, – не выдержала я.

– Она всегда меня высмеивает, – вспылил компьютерщик. – Обжорин залез в интернет, почитал о своей болезни, выяснил правду и решил не дожидаться момента, когда превратится в кабачок. Не хотел вести растительное существование, я бы так же поступил.

Роман повернулся к Костину.

– Представь, что тебе умирать через месяц...

– Даже думать не хочу об этом, – передернулся Володя.

– Ты живешь в однушке, – не утихал Бунин, – счета в банке нет. Жена немолодая, сомнительно, что вдова удачно личную жизнь устроит, и зарплата у нее скромная. О чем будешь думать, узнав, что вот-вот в ящик сыграешь?

Костин нахмурился.

– Не знаю... Ну... как без меня семья будет жить... на какие средства...

Бунин похлопал ладонью по столу.

– О! И любому нормальному мужику такое в голову при-

дет. Обжорин о супруге заботился, он хотел ее обеспечить и замутил какое-то дело. Чего-то затеял. Неизвестный ехал с ним в машине, он не случайный клиент, а подельник. Когда Никита сбил человека, пассажир пристрелил его и оставил письмо. Убийца не в курсе сложных отношений Обжорина с русским языком, решил, что все о'кей. А записку он Никите переписать заранее дал. Вопрос: что они задумали? Зачем письмо заранее нацарапали?

– Знали, что Никита случайно собьет Сыркина? – ухмыльнулся Костин. – Версия супер! Советую продать ее на телевидение.

– Роман, – попросила я, – дай взглянуть на отчет эксперта, я его не видела.

Бунин повернул ко мне свой ноутбук.

– Только ничего не трогай, используй исключительно глаза, без пальцев!

– Вот, – воскликнула я, – долго читать не пришлось. В заключении указано, что на руке трупа обнаружены следы пороха, рана на груди имеет все признаки выстрела в упор, положение пистолета свидетельствует о том, что его держал сам Обжорин. Вердикт специалиста: суицид.

– Экспертиза часто ошибается, – вскипел Бунин.

Макс откашлялся.

– Криминалист нас до сих пор не подводил, он установил, что Обжорин сам произвел выстрел. С письмом, согласен, неувязочка. Его надо показать графологу. Но небольшая де-

таль: нас никто не просит заниматься этим делом. Лаура хотела найти мужа, Лампа его нашла.

– Это я обнаружил тело в море, – разозлился Роман, – мои заслуги никто не замечает. Конечно, начальству приятнее жену хвалить.

Я сделала вид, что не слышу последнее заявление Бунина. Вот поэтому я и не хотела служить в агентстве Вульфа. Большая часть сотрудников небось считает меня глупой блондинкой, которую супруг устроил на работу, чтобы дурочка была при деле и на глазах у мужа.

А Роман тем временем продолжал:

– Может, услышав, что я накопал про Сыркина, шеф поймет, что я лучший? Личность погибшего весьма интересна. Сыркин Виталий Павлович – призрак.

– В смысле? – не понял Костин.

– Виталий москвич, проживает в переулке Дроздова в новостройке, – зачастил Рома, – квартиру приобрел около года назад, отдал сразу всю сумму, ипотеку не брал. В это же время обзавелся хорошей машиной, не самой дорогой, но отнюдь не дешевой, и тоже без кредита.

– У парня водились деньжата, – отметил Костин.

– Похоже на то, – согласился Бунин, – но где их Сыркин получал, установить не удалось. Виталий Павлович нигде не числится, потому что он...

– ...устроился куда-то на «черный» нал, – перебила я.

– Умер пять лет назад, – договорил Роман.

Глава 9

В кабинете стало тихо, первым нарушил молчание Макс.

– Как?

Бунин повернул к себе ноутбук.

– Сыркин Виталий Павлович, пятидесяти лет, уроженец села Зябликово, проживающий в общежитии для строительных рабочих по улице Горюнова, погиб в результате наезда. Экспертиза установила, что жертва находилась в состоянии сильного алкогольного опьянения, пять и три промилле.

– Удивительно, как он умудрился на дороге выйти, – поразился Макс, – это смертельная доза.

– Ну не для всех, – опять нашел повод поспорить Рома, – для Лампы, да. А здоровый мужик килограммов ста двадцати весом мог сохранить двигательные функции. Но нажрался он капитально! Шофер тогда скрылся, его не нашли.

– Полагаю, и не искали как следует, – вздохнул Костин, – парень из общаги, в венах вместо крови водка, дело ясное...

– А теперь он воскрес и опять сбит машиной, – пробормотала я, – зомби возвращается.

– Неплохо бы дать мне высказаться до конца, – надулся Бунин, – если, конечно, хоть одному человеку здесь интересно узнать, что я еще накопал.

– Говори, – приказал Макс.

– Пытаюсь, но твоя супруга меня перебивает, – встал в по-

зу Роман.

Я подняла руки.

– Прости. Молчу.

Бунин выпрямился.

– Через неделю после смерти Сыркина общага выгорела дотла. Рабочие спаслись, от здания ничего не осталось. Причиной возникновения огня объявили нелады с проводкой, дом был старый и ветхий, пожарные его разобрали и забыли.

– Интересное совпадение: наезд на Сыркина – пожар, наезд на Сыркина – суицид Обжорина, – подчеркнул Костин. – Кто же на самом деле погиб на Ремонтной? Кого задавил самоубийца?

Я подняла руку.

– Макс, я тоже кое-что странное узнала. Когда я сидела у Кривоносовой дома, Лауре принесли бандероль, она вскрыла ее одна. Мы с Яшиной в тот момент находились на кухне и слышали крик: «Елена, поди сюда». Яшина кинулась на зов, а я по голосу хозяйки поняла: что-то произошло. Лена вернулась не сразу, когда она опять появилась на кухне, я спросила: «Содержимое посылки огорчило Кривоносову?» Яшина словно ждала этого вопроса, она показала мне фото, открытку и соврала: «Никита хотел сделать жене сюрприз, у них вот-вот должна быть годовщина первой встречи. Обжорин отдал снимки, сделанные во время медового месяца, в окантовку, их сейчас доставили. Лорик увидела фото и зарыдала». Но Яшина лгала. На кухне мы с Леной

очутились не сразу, а после того, как Лаура заснула. Неприятную историю про сбитого Сыркина я рассказывала вдове в комнате. Кривоносова заплакала, Яшина принесла ей какие-то капли, уложила подругу на диван, и когда та задремала, мы с Леной переместились в кухню. Яшина рассказала о том, каким прекрасным мужем являлся Никита, не могла остановиться, нахваливая его за хозяйственность. Но я и сама поняла, что Обжорин был на редкость рукастым мужчиной. В маленькой однушке он сделал замечательный ремонт с применением дешевых материалов, так лишь для себя стараются. Шкаф-купе в прихожей не покупной, на стене над холодильником тикали часы, которые соорудили из сковородки, а в комнате одна стена была сплошь завешена семейными фотографиями в самодельных картонных рамках, на второй красовались спортивные медали и дипломы хозяина дома и его награды за победы в конкурсах конструкторов автомобилей. Еще там была полка с копиями машинок, их делал Обжорин.

– Зачем такому мужику отдавать кому-то окантовывать снимки? – кивнул Макс. – У него руки из нужного места растут. Да и дорого это, а лишних денег у Никиты не было.

– И какой смысл отправлять готовый заказ с курьером, – добавила я, – можно его забрать самому. Не странно ли, что Никита, постоянно думающий, как бы сделать жизнь Лауры комфортной, решил послать ей фото сразу после самоубийства. Он не сообразил, что жена может заполучить

инфаркт, когда откроет подарок. Оцените стресс: бедняжка узнала про самоубийство любимого мужа, и ей притаскивают пакет с фотографиями, напоминающими о счастливой жизни с покойным? Мог ли Обжорин совершить такой поступок? Нет, в бандероли были не снимки, а нечто, испугавшее или поразившее и Лауру, и Елену. Кривоносова, увидев ее содержимое, вновь впала в истерику, а Яшина, вспомнив, что на кухне сидит сотрудница детективного агентства, сообразила: сейчас та начнет задавать вопросы. Подруга сняла со стены несколько паспарту, прихватила открытку, которую Никита когда-то написал жене, и вернулась ко мне с готовой историей. Времени у Яшиной не было, ей пришлось действовать спонтанно, поэтому она не подумала, что я видела в комнате на стене снимки в самодельных рамках. Уходя от Кривоносовой, я подвернула ногу и упала на лестничной клетке. Входная дверь в квартире тонкая, звуки сквозь нее легко проходят, я случайно услышала разговор хозяйки и подруги, и мне стало понятно: Лаура что-то от кого-то получила и теперь пребывает в крайней растерянности.

– Куда ни плюнь, везде непонятки, – потер руки Роман, – хочется разобраться.

– Мы не полиция, работаем по заказу, – напомнил Макс.

– Надо поехать к Лауре, рассказать ей обо всех странностях и объяснить: «Вашего мужа могли убить, представив дело как суицид, неужели вы не хотите установить истину? Найти того, кто отнял у вас любимого человека?» – засует-

тился Бунин.

– Кривоносова решит, что агентство намерено раскрутить ее на деньги, – заметил Костин, – ищет клиента.

– Предложим ей бесплатные услуги, – не утихал Роман, – интересно же, что произошло.

Макс встал.

– Вокруг много интересного. Рома, ты прекрасный специалист, один из лучших на поле...

– Почему «один из»? – нашел очередной повод для обиды Бунин. – Я гений.

– Ты уникам, – великодушно согласился Макс, – мне тоже интересно, что за чертовщина произошла с Сыркиным и Обжориным, но нас никто не просил затевать расследование. Конец истории.

Роман молча встал и вышел.

– Не такой уж он уникальный специалист, – неодобрительно заметил Вовка, – характер у мужика плохой. Чего он на Лампу нападает?

– Ревнует меня к Максусу, – засмеялась я и схватила свой мобильный. – Добрый вечер, Роза Леопольдовна, как ваш имплант?

– Спасибо, наркоз отошел, мне немного больно, – объяснила Краузе, – я вернусь завтра утром. Лампа, мне звонила воспитательница Ольга Павловна, она волнуется: скоро восемь, а за Кисой никто не пришел.

Я вскочила.

– Черт! Я забыла про девочку! Как это могло случиться?
Няня начала утешать меня:

– Не ругайте себя, вы редко Кису забираете, у вас много работы. Детское учреждение круглосуточное, в принципе, ребенка можно ночевать оставить.

– Уже мчусь, – перебила я няню. – Макс! Убегаю в садик.
Муж посмотрел на часы.

– Хорошо. Ты не заболела?

– А что? – удивилась я. – Плохо выгляжу?

– Лицо стало розовым, – ответил вместо Вульфа Костин, – на глазах цвет изменился, было зеленым, а сейчас прямо малина.

– Эта ягода красная, – хмыкнул Макс. – Лампудель разлилась на себя за то, что про Кису забыла. Наша няня сегодня зубы вставляет, будет как крокодил теперь.

Я поняла, что тональный крем фирмы «Аенвит» наконец-то подействовал, и гордо заявила:

– Сердиться на себя нельзя, себя надо хвалить и покупать себе, любимой, подарки. Просто у меня здоровый цвет лица, завидуйте молча. Вы оба похожи на недозревшие лимоны, а я свежая роза.

* * *

Дверь садика оказалась заперта, я нажала на звонок.

– Кто там? – ожил домофон.

– Евлампия Романова, пришла за ребенком, – ответила я.

Дверь открылась, я вошла в холл и увидела полную пожилую женщину в голубом халате.

– Матерь божья! – воскликнула она и убежала.

Реакция нянечки показалась мне необычной, но иногда пожилые люди странно себя ведут. Я пожала плечами, натянула бахилы, поднялась на второй этаж, заглянула в группу, увидела Кису и еще двоих детей, сидящих за маленьким столиком.

– Зайка, извини, я задержалась, мы сейчас зайдем в супермаркет и купим самое большое ведро мороженого. Или ты хочешь коробку «Лего»? – спросила я.

С радостным кличем: «Лампа!» Киса обернулась, взвизгнула и быстро нырнула под столик. Остальные ребята взглянули на меня... один мальчик ринулся за Кисой, а второй застыл с открытым ртом.

– За кем вы пришли? – спросил за спиной женский голос.

Я повернулась.

– Добрый вечер, Ольга Павловна.

– Ой оюшки! – подскочила воспитательница и повторила: – За кем вы пришли?

– За Кисой, – удивилась я, – девочку забрать хочу. Вы Розе Леопольдовне звонили, беспокоились, что забыли про ребенка.

– Ага, ага, – пробормотала женщина, – свитер у вас приметный, я узнала его только сейчас, фиолетовый с красивым

рисунком, еще утром на него внимание обратила, понравился он мне.

Я удивилась разговору про одежду, но поддержала его.

– Купила пуловер в маленьком магазинчике, там много симпатичного трикотажа, могу телефон дать.

– И волосы ваши, как утром, – невпопад сказала Ольга Павловна, – и сережки те же... Киса, посмотри, это твоя мама? Выползи наружу.

– Заинька, что случилось? – забеспокоилась я.

Девочка выбралась из-под стола и медленно двинулась в мою сторону.

– Лампа? Скажи что-нибудь.

– Здравствуй, котик, – заворковала я, – нам пора домой. Фира и Муся заждались, они хотят ужинать и гулять.

Малышка приблизилась ко мне вплотную и осторожно взяла меня за руку.

– Лампа! Я тебя всегда люблю. Почему ты странная?

– Цвет лица тебя удивил? – догадалась я. – Привыкай, Кисуня, теперь я всегда такой буду.

Ольга Павловна перекрестилась.

– Спаси, господи!

Я решила не обращать внимания на воспитательницу. С детьми работать трудно, сотрудники садика немолоды, к вечеру они сильно устают. Ольга Павловна сейчас так выражает свою радость. После того, как я уведу Кису, в группе останется не трое, а двое малышей, чем меньше детей,

тем легче воспитательнице.

– Колготочки ей натянуть не забудьте, – дрожащим голосом напомнила тетушка, – а то утром голенькую притащили.

– Сама оденусь, – пообещала малышка и принялась натягивать на себя вещи.

Глава 10

– Мороженое или «Лего»? – спросила я у Кисы, когда мы очутились на улице.

– Хочу домой, – шепнула та.

– Ты устала?

Малышка кивнула, я пощупала ей лоб.

– Может, ты заболела? Прости, зайныка, очень глупо утром получилось, до сих пор стыдно, когда вспоминаю, в каком виде тебя в группу привела. Вроде температуры нет.

– Лампа, почему человек чернеет? – неожиданно спросила девочка, идя со мной за руку.

– От солнца, – объяснила я.

Киса притормозила.

– Тогда он коричневый. А как делаются дедушкой Римусом из книжки про кролика? Помнишь картинку?

– Дедушка Римус негр, – объяснила я, – он живет в Африке, там много солнца, поэтому природа защитила его очень темной кожей. А вот в северных широтах солнечного излучения мало, вследствие этого там люди имеют белый цвет кожи. Понимаешь?

Киса кивнула.

– А как из белого черным стать?

Я погладила ребенка по голове. Киса маленькая, но очень умная, у нее постоянно возникают вопросы, на которые

взрослому человеку трудно найти ответ. Вот сегодня она заинтересовалась разными расами.

– Можно сильно-сильно зажариться в солярии, но это вредно, и вскоре опять посветлеешь.

– Навсегда в негра не превратишься?

– Нет, солнышко, – улыбнулась я. – Да и зачем? Надо жить таким, каким на свет появился.

– У мамы Ивановой очень-очень большие губы, – продолжала Киса. – Катя сказала, она хочет быть красивой, чтобы папа бросил любовницу. А у Макса есть любовница?

Я оторопела, потом быстро пришла в себя и решила прекратить глупую беседу.

– Что тебе приготовить на ужин?

– Я в садике ела.

– Неужели ты откажешься от шоколадного печенья?

Киса прижалась ко мне.

– Нет. Я люблю тебя не за печенье. Просто так.

Я поцеловала ребенка.

– И я тебя люблю. Просто так.

– Лампа, не делай губы, как у Катиной мамы.

– Никогда, разве я похожа на дуру? – ляпнула я и прикусила язык.

– Ты красивая, как принцесса, – продолжала Киса, – самая лучшая, мне другая не нужна. У нас мыло есть?

– Конечно, – опять удивилась я.

– Ядовитое?

– Обычное, хорошее, приятно пахнет.

– Негр может таким добела отмыться? Или ему ядовитое надо?

– Про какое отравленное мыло ты говоришь? – не поняла я.

Киса втянула голову в плечи, согнулась и забасила:

– Если фломастерами перемазались, бегите вниз, возьмите в туалете ядовитое мыло, оно любую черноту отскребет. Ваше групповское не пойдет, нежное больно.

Малышка выпрямилась.

– Так няня Раиса Ивановна говорит. У нас дома есть ядовитое мыло?

Я открыла подъезд.

– Вы к кому? – спросил охранник.

– Мы домой, – пропищала Киса, – вместе с Лампой.

У парня забегали глаза.

– Извините, Евлампия Андреевна, не узнал вас. Вы сегодня... такая... необычная.

Я ликовала. Не зря потратила деньги. Тональный крем «Аенвит» оказался на удивление хорош. Даже секьюрити, которого ничего, кроме футбола и рыбалки, не интересует, заметил, как я похорошела.

– Ну ваше просто, – продолжал охранник.

– Спасибо, Евгений, – кокетливо ответила я, – теперь каждый день так выглядеть буду.

– То-то ваш муж офигеет, – брякнул страж подъезда.

Открыв входную дверь, я услышала радостное повизгивание и цокот когтей по паркету. Мопсик Фира с Мусей неслись встречать пришедших. Я села на корточки, распахнула объятия и воскликнула:

– Ура! Мама дома! Сейчас съедим вкусный паштет из банки и погуляем по крыше.

Но вместо того, чтобы, как обычно, кинуться целовать хозяйку, собаки притормозили и замерли.

– Девочки, вы меня не узнали? – засмеялась я. – Ну, скорей, идите сюда.

Муся присела, Фира сгорбилась, потом обе взвизгнули и заползли под консоль. Худенькая Муся спряталась там полностью, у толстой Фиры снаружи осталась попа с загнутым вверх хвостом.

– Что случилось? – не поняла я.

Хвост Фиры завилял.

– Они описались и обкакались, – доложила Киса, – так всегда делают, когда пугаются.

– Чего им бояться, – рассердилась я, – безобразницы! Не могли подождать, пока я их на крышу отведу. Фу! Стыдоба! Взрослые совсем, а ведут себя хуже щенков.

– Не ругай их, – попросила Киса.

За спиной раздалось характерное попискивание, кто-то открыл электронный замок.

– Вот и я, – пропела Краузе, – решила в клинике не ночевать. Все равно зуб болит, какая разница где ему ныть?

– Роза Леопольдовна, – закричала малышка, – дай скорей ядовитое мыло, Лампе нужно.

Я обернулась и увидела Краузе. На носу няни, несмотря на вечерний час, сидели очки от солнца с очень темными стеклами.

– А-а-а-а! – неожиданно заорала Роза. – Боже всемиростивый! Где она?

Трясущимися руками няня схватила со столика брелок тревожной кнопки и нажала на него. Очки слетели с ее лица. Я увидела, что у Розы Леопольдовны нет глаз, на их месте ровная кожа, и завопила:

– А-а-а-а!

Киса упала на живот и засунула голову под консоль, теперь оттуда торчала попа Фиры и две детские ноги в розовых тапочках.

Входная дверь отворилась и стукнулась о стену, на потолке закачался красивый фонарь из разноцветного стекла, который мы с Максом привезли из Италии. Светильник понравился мужу до такой степени, что Вульф держал его на коленях во время рейса из Милана в Москву и ни разу не поставил коробку на пол.

В холл ворвались два парня в шлемах-масках с автоматами в руках.

Я попятилась к вешалке.

Игорь Львович, подписывая с Максом договор купли-продажи квартиры, сказал: «Насчет безопасности не волнуй-

тес. Дом находится под охраной группы «Гамма-молния». Только надавите на кнопку, и появится помощь, моргнуть не успеете, как вашим обидчикам головы оторвут».

Помнится, я Максимову не поверила. Людям с оружием придется откуда-то ехать, в Москве пробки, я буду моргать этак час, пока приедет подмога. Но сейчас ОМОН возник словно из воздуха! Как такое возможно?

– Лежать всем! – заорал грубый бас.

Мы с Розой Леопольдовной одновременно рухнули на пол и оказались нос к носу.

– Боже, – зашептала я, – где ваши глаза?

– У меня все на месте, – чуть слышно ответила няня, – прекрасно вижу вас. Это блефаропластика, на веках пластины телесного цвета, в них дырки, видите?

Я вгляделась в жуткую жуть и перевела дух.

– Фуу!

– А с вами что? – забеспокоилась Роза Леопольдовна.

– Ничего. Почему вы спрашиваете?

– В зеркало давно смотрели?

– Днем.

– Гляньте сейчас.

Я попыталась встать.

– Лежать! – гаркнул мужчина, охранявший входную дверь.

– Молодой человек, я хозяйка квартиры, – представилась я лежа, – не знаю, почему наша няня вас вызвала, она только

из больницы приехала. После наркоза у людей бывает психоз.

– Посторонних нет, – доложил охранник, выходя из гостиной, – все чисто.

Дверной замок запищал, в холле, радостно улыбаясь, появился Макс, но уже через секунду веселое выражение испарилось с лица супруга, в его руке сам собой очутился пистолет.

– Код два, – заорал тот, что стоял в коридоре, – мужик, на колени.

Я кинулась к Вульффу.

– Спокойно. Это секьюрити, их Краузе вызвала. Ребята, это хозяин дома.

– Да, да, да, – залепетала Роза Леопольдовна, – я испугалась, кнопку надавила.

Макс опустил оружие.

– Вы кто? – спросил он у меня.

– Хватит шутить, – попросила я, – твоя жена.

– Она умоется ядовитым мылом, – пропищала Киса. – Лампа не хочет стать, как мама Кати. Макс, у тебя есть любовница?

Секьюрити заржали.

Муж уставился на меня.

– Что с тобой?

– Сегодня все с ума посходили, – рассердилась я, – задают одинаковый вопрос. Неужели я так мерзко раньше выгляде-

ла? Стоило воспользоваться косметикой, как у окружающих глаза на лоб полезли.

– Немедленно посмотри на себя, – приказал Макс.

Я пожалала плечами и повернулась к шкафу.

– Ну, если тебе это доставит удовольствие, спорить не стану.

Я толкнула дверцу. Два месяца назад Киса, бегая по дому, поскользнулась, упала и стукнула ногой по большому, от пола до потолка зеркалу, прикрепленному к стене холла. То ли оно было дефектным, то ли малышка угодила туфелькой в самое слабое место конструкции, но зеркало лопнуло и осыпалось дождем на паркет. Я перепугалась, долго осматривала Кису, искала на ней порезы. После того случая мы с Максом приняли решение: отныне зеркало спрячется в шкафу.

Створка распахнулась, я с визгом отскочила в сторону и воскликнула:

– Там кто-то чужой!

– Где? – спокойно отреагировал муж.

– В гардеробе, – задержалась я, – негр! С абсолютно черным лицом! В боевом раскрасе. Страшнее никого в жизни не видела.

– Да ну? – прищурился Вульф. – Давай попробуем с ним познакомиться. Не бойся, в доме охрана, мы отобьем тебя у чудовища.

Я осторожно засунула нос в отделение с вешалками.

– Никого, да? – спросил Макс, взяв меня за плечи и разворачивая лицом к зеркалу. – А теперь?

– А-а-а, – заорала я, – вот же он! Ну и страшилище! Щеки красные, губы кровавые, веки зелено-фиолетовые. Неужели ни один из вас его не видит?

– Мы пойдем, – кашлянул один секьюрити, – счет за ложный вызов управляющий принесет.

Краузе, успевшая надеть на нос очки, сказала:

– Нам трудно оценить себя, практически невозможно. Каждый человек полагает, что он прекрасен.

Киса взяла меня за руку.

– Лампа, там ты, это твое отражение.

Я отшатнулась от шкафа.

– Отражение? Чье?

– Ваше, – тихо сказала няня.

– Мое?

– Да! – подтвердила Роза Леопольдовна.

Я осторожно посмотрела в зеркало.

– Чьи там волосики? – просюсюкала Краузе.

– Мои, – прошептала я.

– А кофточка с брючками, – продолжала няня.

– Мои, – выдохнула я.

– Помашите ручкой, – попросила Роза Леопольдовна.

Я машинально повиновалась.

– Кто нам привет передает? – пела Краузе.

Я потрясла головой.

Вот только не надо сейчас хихикать и говорить: «Лампа, ну как можно принять собственное отражение за агрессивно раскрашенного вождя африканского племени, который зачем-то засел в твоём гардеробе? Романова, ты совсем сошла с ума? Неужели не сообразила, что смотришь в зеркало?» Нет, я была шокирована видом незнакомца. Ну согласитесь, как-то не ожидаешь, что вместо своей бледной мордочки увидишь черное лицо, раскрашенное, как на карнавале. Можете считать меня идиоткой, но я на самом деле чуть не рухнула в обморок от страха.

Я потрогала холодное стекло рукой и засуетилась.

– Господи! Где сумка?

Макс подал мне ридикюль, я начала судорожно рыться в нём.

– Умоешься ядовитым мылом, и все пройдет, – пообещала Киса. – Макс, Лампа это сделала из-за твоей любовницы. Она хотела стать красивой.

Вульф сел на маленький диванчик.

– Кисуля, у меня нет любовниц. Ты знаешь, кто это такая?

– Нет, – ответила девочка, – объясни.

– Как-нибудь потом, – пообещал муж. – Лампудель, что происходит? Купила на распродаже по дешевке черный гуталин и решила использовать его вместо пудры?

– Подожди, мне нужна визитка консультанта фирмы «Аенвит», – простонала я, – она обещала совсем другой эффект от использования крема.

Няня громко чихнула, очки от солнца спланировали с ее носа на пол.

Вульф икнул.

– Роза Леопольдовна, где ваши глаза?

– Они есть, только ма-а-аленькие, – объяснила Киса, – меньше, чем у кошки Вуди.

– Я не знаком с кисой, – протянул муж, – но надеюсь, что она не производит столь мощного впечатления на окружающих, как наша няня. Хотя если у вас проблемы с желудком, то они легко решатся при одном взгляде на Розу и Лампу. Девочки, что вы с собой сделали?

– Блефаропластику, – жалобно призналась Краузе, – убрала мешки под глазами, подтянула верхние веки. Мне обещали, что через три часа я уеду домой без синяков, никто не узнает про операцию, поэтому я соврала про имплант. Но оказалось, что надо зону вокруг глаз заклеить, пластырь телесного цвета и совсем незаметен. Сама вздрогнула, когда увидела, что у меня на лице.

Макс посмотрел на меня.

– Я наложила макияж от фирмы «Аенвит», – в свою очередь, покаялась я, – мне обещали розовый цвет лица.

– И зачем вам все это? – укоризненно спросил Макс.

– Хотим быть красивыми, – честно ответили мы с Краузе.

Глава 11

Три дня я сидела дома, пытаюсь снова превратиться в белокожую девушку. Консультант «Аенвит» категорически отрицала, что их продукция может превратить женщину европейского типа в негритянку.

– Нет, нет, ваша кожа должна стать похожей на сочный персик, не рассказывайте сказки. Имейте в виду, мы не отвечаем за то, что случилось после ухода покупательницы. А то некоторые фиг знает чем еще намажутся, потом на нас баллон катят. «Аенвит» роскошное средство, оно держится неделю, потом сойдет.

– Может, его можно раньше смыть? – простонала я.

– Тональный крем стоит намертво неделю, – гордо заявила продавщица, – в этом его фишка. Но если вам не понравился результат (хотя вы первая, кто жалуется), можно приобрести корректор. Приезжайте, я объясню, как им пользоваться, мы изменим оттенок пигмента.

– Ну уж нет, – отрезала я, – лучше подожду, когда кожа естественным путем побелеет.

На четвертые сутки к вечеру я из эфиопки превратилась в мулатку, а сегодня утром наконец-то без содрогания посмотрела в зеркало. Конечно, моя внешность осталась экзотической: голубые глаза, белая шея, светлые прямые волосы и лицо цвета молочного шоколада, на котором пылает све-

кольный румянец. Но, согласитесь, это уже прогресс, чернота ушла, я воспряла духом и сказала себе: «Ничего, подумаешь, совсем не вредно провести недельку дома. Зато я разобрала хаос в шкафу в кухне и продолжу заниматься хозяйством». На волне энтузиазма я отправилась в чулан и принялась рыться в вещах, которые после переезда в новую квартиру так и лежали в коробках.

– Лампа, ты умница, – бормотала я, открывая очередную упаковку, – надо избавиться от хлама, если год не вспоминала про эти ящики, значит, там хлам! Господи, сколько у нас ненужного барахла! Откуда взялись пластмассовые креманки ядовито-зеленого цвета? Никогда их не приобретала. Они отвратительны, лучше выкинуть эту красоту. Хотя жаль, вдруг пригодятся. В конце концов, их можно кому-то подарить.

Я отложила страхолюдство, вытащила из коробки накидку на кресло и опять поразилась. Не помню, чтобы у нас с мужем было нечто из светло-бежевого искусственного бархата с надписью «Привет из Кыргыды». Где находится Кыргыда? Это город? Или, может, гора? Вероятно, кто-то залез на вершину, а в качестве приза ему выдали эту тряпку, и победитель преподнес ее нам. Нет, это точно не пригодится. Хотя... зачем выкидывать вещь? Из нее можно сшить подстилку для собак, или подарить кому-то не самому близкому... Я отложила привет из Кыргыды к креманкам и вновь залезла в ящик. Куртка! Защитного цвета! С капюшоном, крупными

пуговицами, шестью накладными карманами, размер примерно пятьдесят восемь – шестьдесят. Каким образом она к нам попала? Я могу в ней жить, как в палатке, даже Макс, хоть он в последнее время поправился, она велика. Нет, прикид нельзя использовать, от него нужно избавиться, он только место занимает! Хотя... Если мы когда-нибудь переедем жить за город, нам понадобится на участке сторож, ему вполне подойдет сия амуниция. Пусть полежит, если свернуть ее потуже, много места она не займет, зато потом не придется тратить деньги на форму для охранника. Не считите меня жадной, просто не люблю транжирить деньги. И куртку можно кому-то подарить, например, страстному охотнику.

Через два часа я оглядела гору вещей и констатировала: раньше хлам был аккуратно упакован, теперь он кучей громошится на полу. Выбросить его жаль, он может когда-нибудь пригодиться, это кладезь подарков для посторонних людей. Непонятно, правда, когда удастся использовать шар от боулинга, помятый с одного бока, и кому можно преподнести торбу из клеенки с надписью «Танк «Аванар» ваш выбор. Танк «Аванар» ваше будущее». Где, черт возьми, мы взяли сумку, рекламирующую боевую машину?

Резкий звонок мобильного оторвал меня от увлекательного занятия.

– Что подделываешь? – поинтересовался Костин.

– Тебе, случайно, не нужна прекрасная сумка? – вкрадчиво спросила я. – С виду как кожаная, на ней красивые слова

про танк «Аванар» написаны, настоящий мужской вариант.

– От скуки решила приторговывать кошелками? – засмеялся Костин. – Сошла с ума, сидя дома?

– Хотела тебе подарить, – обиделась я, – отдать даром.

– Не, спасибо, оставь себе, – отказался Костин, – заканчивай ерундой маяться, приезжай в офис.

– У меня отпуск на неделю, – напомнила я.

– Лаура Кривоносова покончила с собой, – мрачно сказал Вовка. – Это жена Обжорина, который...

– Помню ее, – остановила я друга, – бедняжка не смогла справиться с горем.

– В переговорной сидит Елена Яшина, она собирается нас нанять, – продолжил Костин, – но согласна беседовать только с тобой.

– Уже мчусь со всех ног, – пообещала я и, забыв про горы разбросанных вещей, ринулась в ванную.

* * *

– Ты похожа на дочь Чиполлино и графинь Вишни⁵, – хихикнул Вовка, увидев меня у лифта. – Лицо желтое, щеки темно-красные.

– Где Елена? – остановила я веселящегося Костина.

– В маленькой переговорной, – уточнил тот.

⁵ Чиполлино и графини Вишни главные герои книги итальянского детского писателя Джанни Родари «Приключения Чиполлино». (Прим. автора.)

Я понеслась по коридору, толкнула дверь и очутилась в кабинете.

– Вы приехали! – обрадовалась Яшина. – Мне сказали, что Романова в отпуске. На море летали? Здорово загорели.

Я села к столу.

– Что вас к нам привело?

Яшина открыла сумку, вынула оттуда конверт и положила его на стол.

– Лауру убили. Из-за этого, думаю. Полиция уверена, что Кривоносова покончила с собой, следователь сказал: «У нее муж совершил суицид, вдова не выдержала и за ним последовала. Сами говорили: у них неземная любовь горела». И выгнал меня, не стал про письмо слушать. Жаль, что остался один конверт, он случайно уцелел, я его ненадолго домой с журналами прихватила. И белка не на месте сидела, и машинки Никиты были вперемешку. Я пыталась полицейскому объяснить, а он: «Идите домой, суицид это».

– Давайте все по порядку, – попросила я. – Что за послание?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.